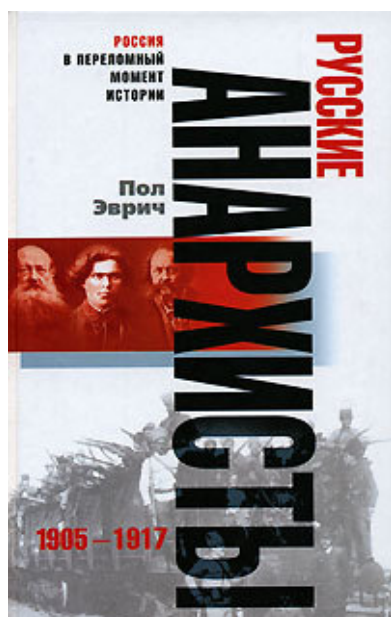

Пол Эврич
Русские анархисты. 1905-1917

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617365

Пол Эврич. Русские анархисты. 1905 – 1917: Центрполиграф; Москва; 2006
ISBN 5-9524-2512-7

Аннотация

В книге рассказывается о том, как в начале XX века промышленная революция и социальный хаос вызвали к жизни вооруженное движение анархистов. Традиции русских анархистов представляли собой смесь западных и доморожденных элементов. Пропущенные через призму учений Бакунина, Кропоткина и наивного популизма, они бурно развивались в ходе революций 1905 и 1917 годов. Анархизм в России активизировался и шел на спад вместе с развитием революционного движения в целом. В водовороте восстаний, террористических актов и Гражданской войны анархисты пытались реализовать свою программу, но потерпели поражение, вытесненные с политической арены большевиками.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пол Эврич

Русские анархисты

1905 – 1917

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ВСТУПЛЕНИЕ

Хотя появление идеи о бесклассовом обществе можно проследить вплоть до античности, анархизм как организованное движение социального протеста – феномен сравнительно недавнего времени. Появившись в Европе в XIX – начале XX столетия, он, подобно либерализму и социализму, на первых порах явился ответом на ускоряющиеся темпы политической и экономической централизации, что стало результатом промышленной революции. Анархисты разделяют с либералами общую враждебность к центральному правительству и, так же как и социалисты, испытывают глубокую ненависть к капиталистической системе. Они не выступают в защиту «реформизма, парламентаризма и занудного доктринерства» своих соперников; их «жажду абсолюта» может удовлетворить только полное избавление от «буржуазной цивилизации» с ее все возрастающей регламентацией и черствым равнодушием к человеческим страданиям. Сконцентрировав свои атаки на государстве и на капитализме, как главных институциях господства и эксплуатации, анархисты призывают к социальной революции, которая уничтожит все, и политические и экономические, власти и приведет к созданию децентрализованного общества, основанного на добровольном сотрудничестве свободных личностей.

На рубеже столетий в России, так же как несколькими десятилетиями ранее в Западной Европе, промышленная революция и социальный хаос вызвали к жизни то, что называется вооруженным движением анархистов. В этом не было ничего удивительного, ибо русские анархисты обсуждали большую часть тех же вопросов, которые занимали и их товарищей на Западе, – главным образом, отношения между анархистским движением и едва только возникшим рабочим классом, а также место терроризма в грядущей революции. Тем не менее традиции у многих русских анархистов, пусть даже они считали, что унаследовали их из Западной Европы, имели глубокие корни в национальном радикализме, истоки которого берут начало со времен крестьянских революций Стеньки Разина и Емельяна Пугачева, и едва ли не достигли апогея в ходе революций 1905 и 1917 годов. Социальные убеждения русских анархистов сами по себе представляли любопытную смесь западных и доморощенных элементов. Получив начало на Западе из уст Годвина, Штирнера и Прудона, они были последовательно пропущены через призму учений Бакунина, Кропоткина и наивного популизма, что в совокупности придало им отчетливую русскую окраску. Кроме того, характер русского анархизма определялся давящей политической средой, в которой он и появился на свет. Царь Николай II, подавлявший все старания просвещенной части российского общества реформировать самовластие и избежать экономического и социального развала, вынуждал своих оппонентов искать выход в безумии терроризма и насилия.

Анархизм в России и расцветал и шел на спад вместе с развитием революционного движения в целом. Когда разразился мятеж 1905 года, анархисты восторженно приветствовали его, как стихийное восстание масс, еще в прошлом поколении предсказанное Бакуниным, и они кинулись в эту свалку с бомбами и пистолетами в руках. После 1905 года революция была подавлена, и движение погрузилось в спячку вплоть до Первой мировой войны, когда пришла пора нового подъема. Затем в 1917 году внезапное падение монархии и последовавший крах всей политической и экономической власти в России убедил анархистов, что в самом деле пришел их час и теперь их задача – смести остатки государства, чтобы передать простым людям землю и заводы.

С давних пор те, кто рассматривал историю глазами победителей, игнорировали анархистов. Ведь единственным мерилом весомости движения является его политический успех; убеждение, что историков может интересовать лишь триумф, приводит к пренебрежению многими ценными и интересными явлениями в прошлом и к сужению нашей точки зрения

на мир. А оценивая подлинный размах и сложность революции 1917 года, а также события на ее пике, нельзя не принимать во внимание роль, которую сыграли анархисты. В водовороте восстаний и Гражданской войны анархисты попытались ввести и реализовать свою программу «прямых действий» – рабочий контроль на производстве, создание свободных сельских и городских коммун, партизанская война против врагов либертарианского общества. Они действовали как жгучие оводы всеобщего восстания, не признавая никаких компромиссов в деле уничтожения правительственной и частной собственности, отказываясь признавать что-либо, кроме золотого века полной свободы и равенства.

Тем не менее в конечном итоге на развалинах старого деспотизма вырастает новый, который подавляет анархистское движение. Немногие выжившие, хотя и пребывая в меланхолии поражения, тем не менее оставались верны убеждению, что рано или поздно их представление о бесклассовой утопии восторжествует. «Большевизм – это прошлое, – мог писать Александр Беркман в 1925 году, когда его русские товарищи сидели по тюрьмам или находились в изгнании. – Будущее принадлежит человеку и его свободе».

Часть первая 1905-й

Глава 1 БУРЕВЕСТНИК

Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку.

А.П. Чехов. Три сестры

XX столетие Российская империя встретила ожиданием катаклизмов войн и революций, грозящих оставить от старого порядка лишь развалины. Противники монархии давно предсказывали разрушительную бурю. За десятилетие до того, как Николай II отрекся от трона, Михаил Бакунин чувствовал, что атмосфера в России тяжелеет предвестием шторма ужасающей силы, а Александру Герцену далеко не один раз казалось, что он слышит стоны и грохот грядущих погромов. Реформы Александра II очистили было атмосферу, но после покушения на императора в 1881 году над страной вновь сгустились темные облака реакции. На рубеже столетий мало кто мог отделаться от убеждения, что старый режим на пороге сокрушительного краха. Казалось, вся атмосфера полна предзнаменований и предчувствий. В поэме, которая была у всех на устах, Максим Горький предсказывал, что в небе появится буревестник, «черной молнии подобный», предвещающий неизбежную бурю, которая скоро разразится над Русской землей. Буревестник стал символом для русских людей, выходцев из самых разных слоев: для одних – символом грядущих бедствий, для других – долгожданного спасения.

Но Николай II категорически отказывался слышать сигналы опасности. Он оставался непоколебимым в своей решимости сохранить самодержавие – как вел себя и его отец. Под влиянием своего реакционного советника Константина Победоносцева, прокурора Священного синода, царь подавлял любые конституционные намерения просвещенной части общества. Отвергая как «бессмысленные мечты» отчаянные прошения просвещенной элиты о предоставлении им побольше политической свободы, он возлагал надежды на громоздкий бюрократический аппарат, на большую, но плохо экипированную армию и на достойную осмеяния сеть тайной полиции.

Самая большая угроза этому режиму исходила со стороны крестьянства. Катастрофический голод 1891 года разбудил российское общество и заставил его обратить внимание на то убожество, в котором живет село. Даже после освобождения в деревнях продолжали господствовать перенаселенность и застой. По мере того как число крестьян продолжало расти (одно поколение составляло от 50 до 80 миллионов), средний размер их семейных наделов, которых и без того не хватало на всех членов семьи, неуклонно уменьшался, так что большинство крестьян не могло существовать иначе, чем подрабатывая батраками в сельском хозяйстве или чернорабочими на производстве. Крестьяне отчаянно хотели получить побольше земли и сбросить с плеч давящее бремя налогов и платы за освобождение. Они оставались парализованы ограничениями, налагаемыми общиной, и много лет после того, как царь объявил их свободными людьми. В большинстве мест широко раскиданные полоски плодородной земли перераспределялись каждые два-три года, а устаревшие, но

привычные методы обработки почвы не уступали пути современным сельскохозяйственным технологиям. Крестьяне продолжали владеть примитивное существование в однокомнатных деревянных избах с глинобитным полом. Случалось, они делили помещение со своими свиньями и козами, питаясь хлебом, капустной похлебкой и водкой.

Черноземные провинции Центральной России, в свое время цитадель крепостничества, мало изменились и после великого освобождения в феврале 1861 года. В этом перенаселенном районе с убогими наделами земли обнищавшее крестьянство спасалось от голода лишь тем, что издавна занималось кустарным промыслом у себя на дому – выделывало гвозди, ткало мешковину, точило ножи и т. д. Тем не менее ближе к концу столетия спрос на кустарную продукцию резко пошел на спад, не выдержав конкуренции с современными производствами в промышленных городах к северу и западу. Крестьяне, погруженные в бездну отчаяния, могли лишь мрачно взирать на своих бывших хозяев, чьи земли они жаждали заполучить куда больше, чем прежде. В 1901 году некоему помещику из Воронежской губернии привиделось, что его поместье затягивает кровавый туман, и он отметил, что дышать и жить становится все труднее, «как перед бурей». Осенью того же года центральные и южные сельскохозяйственные районы постиг страшный неурожай. Следующей весной крестьяне Полтавской и Харьковской губерний вооружились примитивным оружием времен Стеньки Разина и Емельяна Пугачева – топорами, вилами и факелами – и стали захватывать запасы зерна всюду, где только могли их найти, разорять помещичьи усадьбы в своем районе – пока не явились для наведения порядка правительственные войска.

Ужасные условия жизни крестьянства соответствовали и условиям бытия растущего рабочего класса. Еще вчера крепостные, рабочие теряли корневую связь с родными деревнями, обитая в убогих рабочих слободках больших городов. Они находились во власти грубых надсмотрщиков и черствых директоров фабрик, и их жалкое жалованье обычно становилось еще меньше за счет штрафов, налагаемых за нарушение правил. Не имея никаких законных возможностей отстоять свои права, рабочие лишь с большим трудом привыкали к этому новому образу жизни.

И более того, заводские рабочие страдали кризисом идентичности. Их разрывало между двух направлений: одно тянуло обратно, к привычной деревне, а другое – в странный новый мир, которого они не понимали. В самом начале нового века подавляющее большинство заводских рабочих – особенно на текстильных предприятиях Северной и Центральной России – юридически продолжали считаться крестьянами. Как таковые, они имели в своем хотя бы номинальном владении небольшой участок земли и были вынуждены подчиняться определенным правилам общины, например испрашивать разрешение для работы на фабрике. Такие рабочие-крестьяне часто оставляли в деревнях своих жен и детей, возвращаясь домой только на период уборки или из-за болезни, а также в пожилом возрасте. Их крестьянский образ мышления давал о себе знать спорадическими вспышками возмущения против тяжелых условий труда, но эти выступления больше смахивали на крестьянские бунты прошлого времени, чем на организованный протест зрелого пролетариата.

В то же время рабочие теряли свои связи с селом. Концентрация рабочей силы на российских предприятиях помогала работникам обретать чувство коллективизма, которое все больше и больше замещало прежнюю преданность деревне. Начали излечиваться и исчезать странные формы социальной шизофрении. Рабочий люд рвал со старыми традициями и верованиями и все отчетливее осознавал себя особой социальной группой, отличающейся от крестьянства, из которого он вышел.

Начало нового века нанесло зарождающемуся рабочему классу России экономический удар столь же тяжелый, как и неурожай, поразивший крестьян в Центральном сельскохозяйственном районе. В 1899 году после продолжительного периода индустриального развития царскую империю поразила депрессия, от которой она оправлялась около десяти лет.

Первый удар пришелся по текстильной промышленности северных и западных губерний. Затем он стремительно переместился к югу, поражая заводы, шахты, нефтяные концессии и порты и вызывая на своем пути серьезные рабочие волнения. Летом 1903 года на батумских и бакинских нефтепромыслах произошли кровавые столкновения рабочих с полицией. Забастовки в Одессе расширились, превратившись во всеобщую стачку, которая стремительно распространилась по всем центрам тяжелой промышленности Украины. Особый размах она приобрела в Киеве, Харькове, Николаеве и Екатеринославе.

Характерной особенностью волнений в России была гремучая смесь самых разных недовольных социальных элементов, готовая взорваться в любой момент. Например, заводские рабочие были носителями радикальных идей, которых они нахватались в городе, вырвавшись из изолированного, замшелого существования своих родных деревень. Таким же образом важной чертой промышленных стачек на юге было частое появление среди рабочих студентов университета на массовых митингах, уличных демонстрациях и в ходе стычек с властями.

Годы экономического спада совпали с периодом студенческих волнений, которые обрели беспрецедентный в российской истории размах. Многие из студентов чувствовали такую же отчужденность от существующего социального порядка, как и обнищавшие крестьяне и их полупролетарские братья на фабриках. Университетские студенты, как правило, обитали в убогих жилищах, испытывая озлобленность к несправедливостям царского режима. Их отнюдь не воодушевляло неизбежное будущее в виде мелкого винтика в бюрократической машине. Даже те, кто вышел из среды более обеспеченного дворянства, с трудом терпели высокомерие правительственной политики и тупость царских чиновников, которые упрямо отказывались идти хоть на какие-то уступки конституционным принципам. Студенты с глубоким презрением относились к университетскому уставу 1884 года, по которому были распущены их клубы и общества, изгнана либеральная профессура и уничтожена даже видимость автономии университетов и академическая свобода.

В феврале 1899 года студенты Санкт-Петербургского университета, возмущившись предупреждением властей, чтобы они во время ежегодного студенческого празднования вели себя тихо и смиренно, организовали небольшие беспорядки, а конная полиция разогнала их, пустив в ход нагайки. В ответ разъяренные студенты устроили забастовку, отказавшись посещать лекции. Демонстрации в их поддержку прошли и в других университетах европейской части России, на несколько месяцев внеся хаос в нормальную академическую жизнь. Ситуация была равнозначна всеобщей забастовке в системе высшего образования, на что правительство ответило исключением из университетов сотен непокорных студентов, многим из которых пришлось пойти в армию. Один из таких изгнанных по фамилии Карпович дал выход своему возмущению, убив министра образования Н.П. Боголепова, на которого возложил вину за жесткие меры правительства против студентов.

Напомнив всем убийство царя Александра II, совершенное двадцать лет назад группой молодых революционеров из организации «Народная воля», смерть Боголепова тут же неосторожно вызвала воспоминания о террористических актах, направленных против высших сановников государства. В марте 1901 года, через месяц после убийства Боголепова, террорист стрелял в Победоносцева, но промахнулся, следующий год возмущенный студент смертельно ранил министра внутренних дел Д. С. Сипягина, а рабочий совершил неудачное покушение на жизнь харьковского губернатора. В мае 1903 года другой рабочий уже не промахнулся, убив уфимского губернатора, приказавшего войскам стрелять по группе невооруженных забастовщиков.

В этом хаосе насилия Россия зависла между двумя мирами – один умирал, а у другого еще не было сил родиться. С озлобленностью крестьян, рабочих и студентов нельзя было справиться мирными способами, поскольку не было законных выходов их растущему раз-

дражению, да и царь не собирался проводить какие-либо реформы сверху. Среди униженных и оскорбленных крепло стремление искать экстремальные решения своих накапливающихся трудностей, особенно после депрессии.

Приметы неизбежных волнений особенно остро чувствовались в провинциях, расположенных на периферии империи, где социальное угнетение усиливалось национальными и религиозными преследованиями. В течение четырех столетий непрерывной экспансии Россия подчинила своему господству финнов, эстонцев, латышей, литовцев, поляков, грузин, армян, азербайджанцев и много других национальностей. И надо сказать, на рубеже столетий нерусские составляли большинство населения империи. Обитая большей частью в ее пограничных районах, они отчетливо слышали голос национализма, усиливающегося в Центральной Европе. Как ни парадоксально, самые сильные стимулы для развития национального самосознания меньшинств исходили от русского правительства. Находясь под влиянием Победоносцева, чья политическая философия господствовала в течение эры последних Романовых, Александр III и его сын Николай проводили в жизнь программу русификации и пытались заставить непокорных обитателей пограничных земель отказаться от собственных национальных традиций, признав превосходство русской культуры. Предназначенная для того, чтобы как-то сглаживать национальные и социальные проблемы, русификация в многонациональном государстве лишь усиливала эти проблемы. Этнический вопрос играл важную роль во время забастовок на закавказских нефтяных промыслах в 1902 – 1903 годах, а также в 1904 году, когда Николай распространил политику русификации и на лояльную Финляндию, которой конституционные привилегии были дарованы еще в 1809 году. Но именно там сын финского сенатора убил российского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова.

Ни одно национальное или религиозное меньшинство в России не страдало от жесткой политики правительства больше, чем евреи. В начале XX века в империи обитало пять миллионов евреев, главным образом в черте оседлости, которая тянулась вдоль западных границ от Балтийского до Черного моря. Их судьба стала сравнительно легче во время умеренного правления Александра II. Осуществляя свою программу реформ, царь разрешил преуспевающим купцам, умелым ремесленникам, бывшим солдатам и обладателям университетских дипломов жить и работать вне черты оседлости. Но насильственная смерть Александра II в марте 1881 года резко положила конец этому периоду спокойствия и относительного благополучия евреев. Пасха была отмечена волной жестоких погромов, волна которых прокатилась по более чем сотне городов и местечек юго-западных губерний.

Хотя одной лишь демонстрации силы было бы достаточно, чтобы сразу же положить конец погромам, местные власти, как правило, иным образом оценивали насилие и грабежи, а в некоторых случаях и поощряли погромщиков. Когда размах насилия со стороны местного населения достиг предела, правительство издало ряд очень жестких декретов, имевших отношение к самым жизненным аспектам еврейской жизни. «Временные правила» запрещали евреям селиться в сельской местности, даже в пределах черты оседлости. Хотя эти правила относились только к новопоселенцам, многие старожилы были изгнаны из деревень, где они родились, и им пришлось перебираться в города. Запрещалось перебираться из деревни в деревню, шли поиски евреев, которые незаконно пересекли границу черты оседлости, которая как-то сокращалась в размерах.

Министерство просвещения ввело квоты, ограничивающие число еврейских учащихся в средних школах и университетах. В черте оседлости они должны были составлять не более 10 процентов от числа студентов и 5 процентов – вне этой черты, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, где квота не превышала 3 процентов. Еврейские врачи больше не могли практиковать в больницах, а их количество среди военных врачей было сокращено. Разрешение на вступление в профессиональную гильдию должен был давать министр юстиции, и еврейские кандидаты редко получали его. Евреи больше не могли участвовать в работе земств

или городских советов. Более того, в 1891 году власти выселили 20 000 еврейских купцов и ремесленников из Москвы, где в 1865 году Александр II разрешил им поселиться, а три года спустя появление государственной монополии на торговлю алкоголем лишило многих еврейских шинкарей средств к существованию.

Эти давящие правила практически в неизменном виде оставались в силе все время царствования Николая II. Положение евреев становилось все отчаяннее. Загнанные в гетто, подвергаясь религиозным преследованиям, в массе своей лишены высшего образования и профессиональной карьеры, когда сфера их традиционных занятий постоянно подвергалась ограничениям, евреи сталкивались с полным крахом их экономической и социальной структуры. После депрессии 1899 года огромное большинство их было вынуждено жить на грани нищеты. Мелкие предприниматели, типичные для черты оседлости, не имея современного оборудования и дешевых кредитов, все время находились под угрозой разорения из-за растущей конкуренции со стороны крупной промышленности. Ремесленники, навсегда расставшись с взлелеянной мечтой стать независимыми производителями, пополняли ряды фабричных рабочих, а если им окончательно не везло, растущую армию людей без определенных занятий, которые питались «одним лишь воздухом».

Положение дел достигло предела вскоре после того, как в 1902 году Вячеслав Плеве унаследовал у убитого Сипягина Министерство внутренних дел. Бывший начальник тайной полиции, яростный сторонник русификации, Плеве был давним ненавистником евреев и реакционным бюрократам самого худшего пошиба. Именно Плеве в 1904 году заявил, что для сохранения самодержавия необходима «маленькая победоносная война» с японцами. Руководствуясь тем же самым мотивом, он решил направить народное недовольство против евреев. Окрестив революционное движение «делом еврейских рук», он надеялся утопить революцию в еврейской крови.

Стратегия Плеве воодушевила П.А. Крушевана, издававшего в Кишиневе, столице Бессарабии, антисемитскую газету. Ведя оскорбительную кампанию против евреев, Крушеван обвинял их в революционном заговоре и ритуальных убийствах и призывал христианское население отомстить еврейским эксплуататорам. И на Пасху 1903 года разразился ужасающий кишиневский погром. Два дня полиция сложа руки наблюдала, как толпы хулиганов убивали евреев, сотням из них наносили ранения, грабили их дома и магазины. Многие еврейские семьи лишились и крыш над головой и имущества, все было разграблено, пока наконец не вмешались власти. Через несколько месяцев прошла волна погромов по черте оседлости – Ровно, Киев, Могилев и Гомель.

Именно здесь, на границе между западными и юго-западными провинциями и, главным образом, в еврейских городках и местечках, и зародилось движение русских анархистов. В этих местах экономический упадок сочетался с сильным национальным угнетением, что вызывало мощные чувства нигилизма среди студентов, рабочих и крестьян. И многие из них переходили к решительному радикализму. С самых первых лет реакции во времена правления Александра III интеллигенты, ремесленники и фабричные рабочие в пограничных провинциях начали создавать тайные кружки, в которых занимались в основном самообразованием и радикальной пропагандой.

Большой голод 1891 года способствовал росту таких организаций, они стали стремительно размножаться по всей России, став центрами, вокруг которых сформировались две ведущие социалистические партии – марксистские социал-демократы и неонародники социалисты-революционеры, эсеры, которые оформились к концу столетия. Тем не менее уже весной 1903 года, года погромов, значительное число молодых рабочих и студентов в Белостоке, центре радикального рабочего движения в черте оседлости, уже нашло серьезные недостатки в социалистических партиях. Они расстались с Бундом (организацией еврейских социал-демократов), с социалистами-революционерами и с ПСП (Польской социалистиче-

ской партией, чьи социалистические убеждения сочетались с мощным стремлением к национальной независимости), обратившись к более экстремальным доктринам анархизма.

Новые рекруты анархизма ушли из социал-демократического Бунда в силу ряда причин, среди которых не последнее место занимал жесткий запрет актов терроризма; такие действия, доказывали лидеры Бунда, только деморализуют рабочих и приведут к распаду рабочего движения. Отрицая этот запрет на терроризм, небольшие группы молодых бундовцев сформировали радикальную «оппозицию» внутри движения и провозгласили программу «прямых действий» против государственной и частной собственности. Они обзавелись револьверами и динамитом. Они нападали на правительственных чиновников, фабрикантов, полицейских, агентов-provokаторов и производили «экспроприации» в банках, почтовых отделениях, магазинах, заводууправлениях и частных домах. Эта деятельность вызвала шквал критических упреков со стороны руководства Бунда и заставила многих молодых террористов окончательно расстаться с социал-демократией ради идей анархизма, который приветствовал любое насилие.

Кроме того, анархисты считали, что среди последователей Маркса было слишком много интеллектуалов, способных в потоке слов утопить любое намерение действовать. В идеологических дебатах и в боях за политическое лидерство они еще до начала схватки с царизмом истощили все свои силы. Летом 1903 года группа свежеепеченных анархистов из Белостока побывала на II съезде социал-демократической партии. Он предстал перед ними как разочаровывающий спектакль, состоявший из организационных свар и теоретических драк с вырыванием волос. Этот съезд закончился расколом марксистского движения на две непримиримые фракции – меньшевиков и большевиков. Как объявили анархисты, идеологическое оружие социал-демократов потеряло «революционный размах» и энергию. Вместо того чтобы вести пустые разговоры, «бешеные» из Белостока потребовали «прямых действий» по уничтожению тиранического государства, которое они считали воплощением зла и источником всех страданий России.

Более того, анархисты были полны решимости сразу же избавиться от государства, хотя последователи Маркса настаивали на обязательности таких этапов, как парламентская демократия и «диктатура пролетариата», которые и должны стать предшественниками бесклассового общества. Это убедило нетерпеливых анархистов в том, что интеллектуалы-социалисты собираются до бесконечности оттягивать наступление рая для рабочих, чтобы полной мерой удовлетворить собственные политические амбиции. По мнению анархистов, социал-демократы, стараясь просветить Россию, слишком полагались на организованные силы квалифицированных рабочих, отрицая значение крестьянских масс и безработных слоев общества.

Анархисты, кроме того, обнаружили столь же серьезные отступления в программах партии эсеров и Польской социалистической партии. Хотя они восхищались эсеровской кампанией террора, направленной против правительственных чиновников, анархисты стремились и к «экономическому террору», чтобы насильственные действия ударили и по эксплуататорам и по владельцам собственности. Кроме того, они возражали против того, чтобы эсеры занимались аграрным вопросом. Они не разделяли ни националистических целей Польской социалистической партии, ни убежденности всех социалистов в необходимости создания какой бы то ни было формы государства.

Короче, анархисты обвиняли все социалистические группы в выжидательной политике по отношению к существующей социальной системе. Старый порядок прогнил, доказывали они; спасения можно добиться, только выкорчевав его с корнями. Постепенность или реформизм любого вида ничего не дадут. Полные немедленного желанья тут же реализовать свою бесклассовую утопию, молодые анархисты с презрением отбрасывали промежуточные исторические этапы, постепенность движения к цели и паллиативы или компромиссы любого

сорта. Отойдя от марксистов и эсеров, они в поисках новых источников вдохновения обратились к Бакунину и Кропоткину. Поскольку буреви́стнику скоро предстояло появиться в России, они были убеждены, что он явится как вестник тысячелетия анархизма.

Молодые анархисты считали саму личность Михаила Александровича Бакунина столь же поразительной, сколь и его убеждения. Выходец из мелкопоместного сельского дворянства, получивший военное образование, Бакунин отказался от своего наследственного дворянства ради карьеры профессионального революционера. В 1840 году в возрасте двадцати шести лет он покинул Россию и посвятил свою жизнь неустанной борьбе против всех форм тирании. Он не только сидел в библиотеках, читал и писал о неизбежности революции, но и страстно включился в события революции 1848 года, став чем-то вроде фигуры Прометея, который после волны восстания в Париже оказывался на баррикадах Австрии и Германии. Арестованный во время Дрезденского восстания 1849 года, он провел следующие восемь лет в тюрьме – шесть из них в самых мрачных казематах царской России, в Петропавловской крепости и в Шлиссельбурге. Приговор обрекал Бакунина на пожизненное пребывание в сибирской ссылке, но Михаил Александрович совершил побег от своих тюремщиков, в ходе невероятной одиссеи обогнул земной шар, после чего его имя стало легендой, а он сам – объектом поклонения в радикальных группах всей Европы.

Широкая душа Бакунина и его детский энтузиазм, зажигательная преданность свободе и равенству и вулканическая ненависть к привилегиям и несправедливостям – все это неодолимо влекло к нему людей из кругов, преданных идее свободы воли. «Больше всего меня поражало, – писал Петр Кропоткин в своих мемуарах, – что влияние Бакунина зиждилось не на интеллектуальном авторитете, а на моральном воздействии его личности». Как активная сила истории, личность Бакунина пользовалась такой привлекательностью, о которой Маркс мог только мечтать. Среди авантюристов и мучеников революции ему принадлежит уникальное место.

Тем не менее отнюдь не только личный магнетизм Бакунина привлекал сырую молодежь из Белостока от марксизма в лагерь анархистов. Были еще и фундаментальные расхождения в доктринах Бакунина и Маркса, предвестники диспутов, которые поколение спустя кипели в России между анархистами и социал-демократами. Центральным пунктом этих расхождений был характер грядущей революции и формы организации общества, которое возникнет на ее волне. В марксистской философии диалектического материализма приход революции определялся историческими законами; революции были неизбежным следствием созревания экономических сил. Бакунин же считал себя революционером действия, а не «философом и изобретателем систем, как Маркс». Он решительно отказывался признавать существование любых «априорных идей или предопределенных, предвзятых законов». Бакунин отрицал точку зрения о том, что социальные перемены зависят от постепенного созревания «объективных» исторических условий. В то же время он считал, что человек сам определяет свои цели, что нельзя втискивать человеческую жизнь в прокрустово ложе абстрактных социологических формул. «Никакие готовые к употреблению теории, никакие книги, которые только будут написаны, не спасут мир, – заявлял Бакунин. – Я не признаю никаких систем, я ищу истину». Человечество не готово к терпеливому ожиданию, когда полотну истории придет время развернуться во всю ширь. Внушая свои теории рабочим массам, Маркс преуспел только в одном: он подавил революционный жар, который горел в каждом человеке, – «стремление к свободе, страстное желание равенства, святой инстинкт революции». Не в пример «научному» социализму Маркса его собственный социализм, как признавал сам Бакунин, был «чисто инстинктивный».

В резком контрасте с Марксом, испытывавшим рациональное презрение к более примитивным элементам общества, Бакунин никогда не подвергал сомнению революционные

качества слоев общества, не принадлежащих к рабочему классу. Правда, он признавал понятие классовой борьбы, но не такой, которая относилась только к буржуазии и рабочим, поскольку мятежный инстинкт есть общее качество всех угнетенных слоев общества. Бакунин разделял веру народников в скрытые силы насилия русского крестьянства с его давними традициями слепого и безжалостного бунта. Он видел перед собой «всеобщую» революцию, огромное восстание города и деревни, подлинный бунт угнетенных масс, в котором кроме рабочего класса примут участие и самые последние слои общества: примитивное крестьянство, люмпен-пролетарии городских трущоб, безработные, бродяги и преступники, – словом, все униженные и оскорбленные, живущие в нищете и рабстве.

Концепция Бакунина о всеобщей классовой войне оставляла место для неорганизованных и раздробленных фрагментов общества, к которым Маркс испытывал лишь презрение. Бакунин же отводил основную роль недовольным студентам и интеллектуалам, отчужденным и от существующего социального устройства и в той же мере – от необразованных масс. С точки зрения Маркса, они не составляли класса как такового, не были и органической частью буржуазии; они были просто «отбросами» среднего класса, «компанией деклассированных» – адвокаты без клиентов, врачи без пациентов, мелкие журналисты, безденежные студенты и их идолы, лишенные возможности играть важную роль в историческом процессе классового конфликта.

Для Бакунина же, с другой стороны, интеллектуалы были ценнейшей революционной силой, «яростной и энергичной молодостью, полностью деклассированной, лишенной и карьеры, и другого пути в жизни». В острой борьбе между Бакуниным и Марксом за главенство в европейском революционном движении деклассированные интеллигенты, которыми их видел Бакунин, были обязаны перейти на его сторону, потому что им нечего было терять и у них не было никакой возможности улучшить свое положение, кроме немедленной революции, которая уничтожит существующую общественную систему. Та роль, которую предстояло сыграть интеллектуалам в свержении старого порядка вещей, была критической: они должны были стать той искрой, из которой дремлющая в народе страсть к восстанию разгорится в разрушительный пожар.

Эта философия немедленной революции неизбежно должна была получить распространение, главным образом, в относительно отсталых регионах Европы, в тех странах, которые только ощупью искали путь к современной индустриализации, странах, где надежды деклассированных слоев были слабыми и туманными, где крестьянство жило в нищете и где рабочие в массе своей были неквалифицированными и неорганизованными. В таких условиях нищее и неграмотное население вряд ли поняло бы «постепенность» или сложные теоретические построения марксизма.

И если Маркс предвидел, что революции зрелого пролетариата разразятся в самых развитых промышленных странах, Бакунин настаивал, что революционные импульсы будут куда сильнее там, где людям в самом деле нечего терять, кроме своих цепей.

Это означало, что всеобщее восстание, скорее всего, начнется на юге Европы, а не в такой дисциплинированной и развитой стране, как Германия. Соответственно в острой борьбе за главенство в I Интернационале сторонникам Бакунина удалось создать мощные отделения в Италии и Испании, странах, где марксизму никогда не удавалось завоевать надежные позиции.

Хотя Бакунин отводил интеллектуалам столь важную роль в грядущей революции, он в то же время предупреждал их против попыток преувеличить свое политическое влияние, как поступили якобинцы или преданный их последователь Август Бланки. На этом пункте Бакунин особо настаивал. Сама идея того, что небольшая группа заговорщиков может совершить переворот ради блага народа, была для него смехотворной, и он насмешливо считал ее «полной ересью, направленной против здравого смысла и исторического опыта». Эти жесткие

слова были направлены как против Маркса, так и против Бланки. Потому что и для Маркса и для Бакунина конечная цель революции заключалась в создании бесклассового общества людей, свободных от угнетения, нового мира, в котором свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех.

Но там, где Маркс предвидел диктатуру пролетариата, которая уничтожит последние остатки буржуазного строя, Бакунин вообще склонялся к уничтожению государства как такового. По его мнению, кардинальная ошибка всех революционеров прошлого заключалась в том, что они всего лишь заменяли одно государство другим. То есть подлинная революция не стремится захватить политическую власть; она должна быть *социальной* революцией, при которой весь мир освобождается от пут государства.

Бакунин считал, что так называемая диктатура пролетариата унаследует авторитарность. Такое государство, настаивал он, пусть и народное по форме, всегда будет служить орудием угнетения и эксплуатации. Он предсказывал неизбежное появление нового «привилегированного меньшинства» из ученых и специалистов, чьи выдающиеся знания позволят им использовать государство как инструмент управления необразованными тружениками, занятыми ручным трудом на полях и в цехах. Граждане нового народного государства будут грубо разбужены от иллюзий самообмана, дабы убедиться, что они стали «рабами, игрушками, жертвами новой группы амбициозных людей». Единственный способ, которым обыкновенные люди могут избежать подобной печальной судьбы, – это самим совершить революцию, полную и всеобщую, безжалостную и хаотичную, стихийную и неограниченную.

«Необходимо в принципе и на практике полностью избежать того, что может быть названо политической властью, – сделал вывод Бакунин, – потому что, пока существует политическая власть, всегда будут правители и те, кем управляют, хозяева и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые». И тем не менее, несмотря на все свои яростные нападки на «революционную олигархию», Бакунин решил создать свое собственное «секретное общество» заговорщиков, члены которого будут обязаны соблюдать «строжайшую дисциплину» и подчиняться небольшому революционному директорату. Более того – эта тайная организация сохранится и после победы революции, чтобы предотвратить появление любой «официальной диктатуры». Самые известные последователи Бакунина, и первым делом Кропоткин, сочли это странное и противоречивое требование революционной стратегии своего ментора совершенно неприемлемым и, как будет видно, поторопились избавиться от него.

В рамках теоретических построений Бакунина народному восстанию, которое сотрет с лица земли вообще все правительства, не хватало конструктивной стороны. И действительно, самые известные предложения, выходявшие из-под его пера, провозглашали, что «стремление к разрушению в то же время является и созидательным стремлением». Но конструктивная сторона носила подчеркнуто туманный характер. Сразу же после уничтожения государства его предстояло заменить «организацией производительных сил и экономических служб».

Средства производства надо было не национализировать, как мечтал Маркс, а передать их в распоряжение свободной федерации ассоциаций независимых производителей, организованной на всемирной основе «сверху донизу». Предполагалось, что в новом обществе все, кроме пожилых и немощных, будут заниматься физическим трудом и каждому будет воздаваться в соответствии с его вкладом.

И дальше этой совершенно туманной картины Бакунин не рисковал продвигаться. С презрением относясь ко всем рациональным размышлениям, он отказывался набрасывать детальный чертеж будущего, предпочитая считать, что, как только творческая сила масс освободится от бремени частной собственности и государства, она и займется этой проблемой.

По своей глубинной сути бакунинская философия анархизма представляла собой яростный протест против форм централизованной власти, политической и экономической. Бакунин был не только врагом капитализма, как Маркс, но и непримиримым противником любой концентрации промышленной мощи, не важно, в частных руках или в общественных. Имея глубокие корни во французском утопическом социализме и в традициях русского народничества, доктрины бакунинского анархизма отвергали крупную промышленность, как искусственное образование, не признающее добровольности и разъедающее подлинные человеческие ценности. С помощью творческого духа обыкновенных мужчин и женщин, призванных к действию критически мыслящими личностями, отсталые страны Восточной и Южной Европы смогут избежать «судьбы капитализма».

Эти страны отнюдь не были обречены на страдания под игом эксплуатации каких-то центральных властей, а их обитатели рисковали превратиться в армию дегуманизированных роботов. Такое либерторианское общество будущего, свободная федерация рабочих кооперативов и сельскохозяйственных коммун (лишенных древней патриархальной властности) может обеспечить полную переоценку социальных ценностей и восстановление человечества. Для Маркса, чья идеология куда лучше соответствовала характеру индустриализации, чем доиндустриального общества, эти анархистские представления были романтическими, ненаучными, утопическими и к тому же уводящими в сторону от кардинального пути современной истории. Тем не менее, с точки зрения Бакунина, Маркс, может, и знал, как создавать умозрительные системы, но у него отсутствовал живительный инстинкт свободы человека. Как немец и как еврей, Маркс был «авторитарен с головы до ног».

Петр Кропоткин, выдающийся последователь Бакунина, был, как и его предшественник, выходцем из среды сельского дворянства, но его родовое гнездо было куда более знаменитым, чем то поместье в Тверской губернии, где провел детство Бакунин. Предки Кропоткина отпрыски великих князей смоленских в средневековой Руси, выходцы из боковой ветви клана Рюриковичей, правивших в Московии до появления Романовых. Получив образование в элитарном Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге, Кропоткин преданно служил камер-пажом при дворе императора Александра II, а после – в Сибири армейским офицером, приписанным к формированию амурских казаков.

Как и Бакунин до него, Кропоткин отказался от своего аристократического происхождения ради жизни, большую часть которой провел в тюрьмах и ссылках. Он тоже вынужден был бежать из царской России при весьма драматических обстоятельствах. В 1876 году – год смерти Бакунина – он сбежал из тюремной больницы, расположенной недалеко от столицы, и через Финляндию попал на Запад, где и оставался до своих семидесяти пяти лет, пока Февральская революция не дала ему возможность вернуться на родину.

Хотя Кропоткин соглашался с некоторыми принципиальными положениями символа веры Бакунина, с того момента, как подхватил факел анархизма, в его руках он горел более спокойным и ровным пламенем. Характер Кропоткина был на редкость мягким и доброжелательным. У него полностью отсутствовал бурный темперамент Бакунина. Он не обладал титаническим стремлением к разрушению и непреодолимым желанием доминировать. Не было у него ни антисемитских настроений Бакунина, ни той неуравновешенности, что проскальзывала порой в словах и поступках Бакунина. Со своими светскими манерами, обладающий высокими личностными качествами и интеллектом, Кропоткин был само воплощение рассудительности. Его научное образование и оптимистический взгляд на мир обеспечили теорию анархизма тем конструктивным аспектом, который резко контрастировал с духом слепого отрицания, пронизывавшего работы Бакунина.

Тем не менее, несмотря на все свои качества праведника, Кропоткин ни в коем случае не отрицал применения насилия. Он допускал покушение на тиранов, если убийца руковод-

ствовался благородными мотивами, хотя его приятие кровопролития в таких случаях объяснялось скорее состраданием к угнетенным, чем личной ненавистью к правящим деспотам. Кропоткин считал, что акты террора относятся к тем очень немногим средствам сопротивления, доступным угнетенным массам; они были полезны, как «пропаганда действием», дополняющая ту устную и письменную пропаганду, которой предстояло разбудить мятежные инстинкты народа.

Кропоткин ни в коем случае не уклонялся от признания революции, ибо не допускал, что правящие классы без борьбы откажутся от своих привилегий и собственности. Как и Бакунин, он рассчитывал на всеобщее восстание, которое раз и навсегда уничтожит и капитализм, и государство как таковое. Тем не менее он серьезно надеялся, что мятеж будет сравнительно мягким, «с минимальным количеством жертв, с минимумом озлобления». Революцию Кропоткин видел быстрой и гуманной – не в пример демоническим видениям Бакунина пожаров и разрушений¹.

И снова по контрасту с Бакуниным Кропоткин осуждал использование при подготовке революции путчистских методов. Как член кружка Чайковского в Санкт-Петербурге начала 1870-х годов, Кропоткин резко критически относился к темным интригам, окружавшим фигуру Сергея Нечаева, юного фанатичного поклонника Бакунина, чье маниакальное пристрастие к тайным организациям в значительной степени превышало таковое даже у его учителя. Кружок Чайковского все свои усилия направлял на распространение пропаганды среди заводских рабочих и осудил Нечаева, по словам Кропоткина, за «использование способов прежних заговорщиков, не останавливаясь даже перед обманом, когда он хотел заставить своих соратников следовать по его стопам».

Кропоткин мало смысла видел в тайных организациях «профессиональных революционеров» с их секретными планами, комитетами руководителей и железной дисциплиной. Главной же задачей интеллектуалов было распространение пропаганды среди простого народа, что должно было ускорить восстание. Но все подобные закрытые группы заговорщиков, отделенные от народа, несли в себе злокозненный микроб авторитаризма. С не меньшей чем у Бакунина страстью Кропоткин настаивал, что революция должна стать не «простой сменой правителей», а «социальной» революцией – не захватом политической власти небольшой группой якобинцев или бланкистов, а «коллективной работой масс».

И хотя Кропоткин никогда не критиковал напрямую секретные общества революционеров своего учителя, тем не менее было совершенно ясно, что его отрицание любой возможной диктатуры включает и «невидимую» диктатуру Бакунина.

Неколебимая решительность Кропоткина защищать спонтанный характер революции, при котором все будут равны, нашла отражение в его концепции нового общества, что возникнет на руинах старого. Хотя он и принимал воззрения Бакунина на автономные ассоциации производителей, свободно объединенных в федерации, тем не менее он расходился с Бакуниным в одном фундаментальном пункте. По бакунинскому «анархистскому коллективизму» каждый член отдельного рабочего коллектива обязан заниматься физическим трудом и получать заработную плату в зависимости от своего «прямого вклада в общий труд».

Иными словами, критерием вклада, так же как и при диктатуре пролетариата Маркса, был скорее процесс, чем действительная потребность. Кропоткин же, с другой стороны, рассматривал любую систему вознаграждения, основанную на личных способностях к производству, просто как иную форму подневольного наемного труда. Коллективистская экономика, которой необходимо было определять разницу между самоотверженным трудом и трудом спустя рукава, между тем, что такое «мое» и что такое «твое», ничего общего с иде-

¹ Бакунин тоже, случалось, высказывал пожелания, чтобы революция потребовала минимального количества жертв, но добавлял зловещее примечание, что не стоит особенно удивляться, если народ перебьет большинство своих угнетателей.

алами чистого анархизма не имела. Кроме того, коллективизм все же нуждался в какой-то власти в пределах рабочей ассоциации, чтобы определять индивидуальный вклад и контролировать соответствующее распределение материальных благ и услуг.

То есть, как и конспиративные организации, которых избегал Кропоткин, коллективистский порядок тоже содержал в себе зародыши неравенства и чьего-то господства. Невозможно оценивать вклад каждого отдельного человека в общее богатство, заявил Кропоткин в «Борьбе за хлеб», ибо сегодняшнее преуспевание создавали миллионы и миллионы людей. Каждый клочок земли полит потом поколений и за каждую версту железной дороги было уплачено человеческой кровью. «Каждое открытие, каждый шаг вперед, каждое умножение суммы человеческих богатств обязаны своим существованием тяжелому труду в прошлом и в настоящем, – продолжал Кропоткин. – По какому праву кто-то может присвоить себе хоть кусочек этого необъятного целого и заявить – это мое, а не твое?»

Кропоткин считал свою собственную теорию «анархистским коммунизмом». Теория эта полностью противоречила всем формам системы наемного труда. Никакой руководящий центр не мог заставить личность работать, хотя любой добровольно может трудиться «с полной отдачей всех своих способностей». Принцип заработной платы Кропоткин заменил принципом потребностей: каждый человек должен судить сам, что ему надо, и мог получать требуемое из общественных складов, когда испытывал в том необходимость, независимо от того, внес или не внес соответствующий вклад в виде своего труда. Неисправимый оптимизм Кропоткина привел его к выводу, что, как только будут устранены политическая власть и экономическая эксплуатация, все члены общества станут работать по своей доброй воле, без какого-либо постороннего принуждения и получать из общественных хранилищ не больше того, что ему нужно для нормального существования.

В длительной перспективе анархистский коммунизм должен будет положить конец всем привилегиям, всем формам принуждения; он приведет человечество к золотому веку свободы, равенства и братства.

Знаменитый географ и натуралист, Кропоткин не сомневался – точно так же, как и Маркс, – что его собственные социальные теории базируются на научной основе. В течение пяти лет своей правительственной службы в Сибири он пришел к отрицанию того, чему последователи Дарвина (Т.Х. Хаксли в особенности) придавали особое значение, – конкуренции и борьбе биологических особей в процессе эволюции. Изучая жизнь животных на востоке Сибири, он усомнился в справедливости общепринятой картины, что природный мир – это дикие джунгли, где есть только окровавленные клыки и когти и где в конечном итоге выживают только самые приспособленные представители того или иного вида.

Его собственные наблюдения указывали, что в процессе естественного отбора добровольное сотрудничество между животными играло куда более важную роль, чем яростное соперничество, и что «те животные, которые обрели привычки к взаимопомощи, без сомнения, и являются самыми приспособленными для выживания». Конечно, Кропоткин не отрицал, что в животном мире существуют и борьба, и соперничество, но он не сомневался, что взаимозависимость играет куда более важную роль – не подлежит сомнению, что взаимная помощь является «главным фактором прогресса эволюции».

Кропоткин не видел никаких причин, по которым этот принцип взаимной помощи не мог быть во всей полноте применен к *Homo sapiens*, как к другому представителю животного мира. С детства он душой и сердцем верил, что русскому крестьянству присущ дух братства. Впечатления последующих лет службы в сибирской глуши, где он наблюдал успешное сотрудничество в колониях духовоборов и среди местных племен, были лучом света, который падал и на его последующие размышления. Именно во время пребывания в Сибири Кропоткин отбросил все надежды на то, что государство способно стать двигателем социальных

реформ. Вместо этого он обратил свой взгляд на добровольное творческое сотрудничество небольших коммун анархистов.

Его любимое представление о нетронутой разложением общественной жизни получило подкрепление в 1872 году, когда он посетил коммуны часовщиков в горах Юра в Швейцарии. Он сразу же обратил внимание на их добровольные ассоциации, построенные на взаимной помощи, и на отсутствие среди них политических амбиций, а также какой-либо разницы между лидерами и подчиненными. Это сочетание ручного и умственного труда, а кроме того, слияние в их горных деревнях кустарного производства и сельскохозяйственных работ вызвало его самое горячее восхищение.

В этих приятных наблюдениях Кропоткин нашел то, что считал научным подтверждением своих выводов из штудирования анналов человеческой истории. В прошлом, утверждал он, люди, руководствуясь духом солидарности и братства, испытывали явную склонность к совместному труду. Взаимопомощь среди людей обладала куда большей потенциальной силой, чем эгоистическое желание господствовать над другими. На самом деле выживание человечества зависит от взаимопомощи.

Вопреки теориям Гегеля, Маркса и Дарвина, Кропоткин был убежден, что в основе исторических процессов лежит сотрудничество, а не конфликтность. Более того, он отвергал концепцию Гоббса о том, что естественное состояние человека – это война всех против всех. В каждый исторический период, заявлял он, появлялись самые разнообразные ассоциации взаимопомощи, достигавшие наибольшего развития в коммунах и гильдиях средневековой Европы². Кропоткин считал, что рост централизации государства с XVI по XIX век был всего лишь отклонением от нормального развития западной цивилизации. Он был убежден, что, несмотря на появление государства, добровольные объединения продолжали играть ключевую роль в человеческих делах. И дух взаимопомощи «даже в нашем современном обществе, как всегда заявляя о праве на существование – основной лидер, который ведет к прогрессу». Основные тенденции современной истории нацелены на создание децентрализованных, не политических кооперативных сообществ, в которых человек может свободно развивать свои творческие способности, без вмешательства королей, священников или солдат. Повсюду таким искусственным государствам приходится слагать свои «святые обязанности» в пользу «естественных добровольных групп».

Знание Кропоткина истории человечества, вкупе с опытом, полученным из первых рук в Сибири и среди часовщиков кантона Юра, укрепили его глубокое убеждение, что человек будет предельно счастлив лишь в таких небольших коммунах, которые позволят пышно расцвести естественным инстинктам и взаимопомощи. Ближе к концу столетия Кропоткин обрисовал облик нового общества, в котором «промышленность сочеталась с сельским хозяйством, а умственная деятельность – с ручным трудом», как кратко сообщал он в подзаголовке одной из своих широко известных книг. Мужчины и женщины в таких сообществах, связанные естественными узами общих трудов, освободятся от искусственности централизованного государства и обширных промышленных комплексов. Нет, сам Кропоткин не испытывал никакого предубеждения против современной техники. «Я отлично понимаю, – писал он в своих мемуарах, – то удовольствие, которое может получить человек от мощи своей техники, от умственного характера своей работы, точности движений и от безукоризненности своих действий. Техника, расположенная в небольших мастерских, может спасти человека от тяжелой и монотонной работы капиталистического предприятия, и клеймо примитивности, которое когда-то легло на ручную работу, исчезнет навсегда. Члены такой коммуны будут работать от двадцати до сорока лет, четырех-пяти часов в день хватит для

² Как узник Петропавловской крепости, Кропоткин проводил время за внимательным изучением хроник Пскова, республиканского города-государства в средневековой России.

обеспечения комфортабельной жизни. Разделение труда, учитывающее неизбежное различие умственного и физического, может представить разнообразие достаточно интересных и приятных занятий, что приведет к органическому существованию общины, подобно такому, которое существовало в средневековом городе».

Рисуя такой безмятежный портрет будущего, Кропоткин выражал свою ностальгию по простой, но полной и насыщенной жизни, которая вела его к идеализации автономных социальных ячеек прошедших лет – сельских поместий и гильдий, общины и артели. Перед лицом постоянно растущей концентрации экономических и политических сил в Европе XIX столетия он смотрел и назад, в благословенный мир, еще не испорченный вторжением капитализма и современного государства, и вперед – в такой же мир, свободный от давления смирительной рубашки, которая душит все естественные человеческие стремления.

Для нового поколения анархистов из Белостока теории Бакунина и Кропоткина как нельзя лучше характеризовали высокоцентрализованное и репрессивное Российское государство. Унизительная бедность рабочих и крестьян, отчуждение студентов и интеллигенции от государства и общества, вездесущие учреждения, ведавшие насилием и террором, жестокие преследования религиозных и национальных меньшинств плюс к этому экономическая депрессия омрачали общественную атмосферу раздражением и отчаянием. В соответствии с учением Бакунина Россия, как относительно отсталая страна, должна была уже созреть для революции. В начале XX века Россия была на мощном подъеме, недавно начав всесторонний стремительный переход от преимущественно сельской к городской жизни, переход, который рвал все корневые связи традиций и стабильности.

Индустриализация выкинула на обочину немалую часть общества – люмпен-пролетариев и другие растерзанные элементы общества, лишенные возможности существования во враждебном и меняющемся мире. Легко можно предположить, что именно эти, отвергнутые, отщепенцы ответят на призывы анархистов к уничтожению существующего режима, после чего останется только поприветствовать наступление золотого века. И действительно, немалая часть из них вступила в первые кружки анархистов в 1903 – 1904 годах.

Тем не менее даже в эти беспокойные времена, когда дух нигилизма широко распространился по стране, в анархистском движении приняло участие сравнительно небольшое количество граждан империи. Объяснение частично кроется в том, что политическое сознание масс было пока еще на очень низком уровне; и в самом деле, в числе членов двух основных социалистических партий, которые возникли на рубеже столетий, было очень незначительное число крестьян и промышленных рабочих. Те немногие крестьяне, которые в самом деле интересовались политическими вопросами, как правило, вступали в партию социалистов-революционеров, чьи программы отвечали потребностям сельского населения. Что же до рабочего люда, то доктрины анархизма находили отклик большей частью среди бродячих ремесленников, которые, как и Кропоткин, мечтали о прошедших временах ручного труда, или же среди неорганизованных и безработных обитателей городских трущоб.

Тем не менее многие из этих двух групп нашли применение своей склонности к насилию в террористических крыльях эсеровской партии или Польской социалистической партии. Между ремесленниками и пролетариатом трущоб находился растущий класс фабричных рабочих с постоянной занятостью, которые уже начали обретать свое место в условиях промышленной экономики. Если их вообще интересовала какая-либо политическая партия, то для защиты своих интересов они больше тянулись к социал-демократам.

Еще одна причина неудачи анархизма в его намерении привлечь к себе широкие массы кроется в нежелании большинства русских людей, даже тех, кто обитал на самом дне общества, принять и ультрафанатизм Бакунина, и наивный романтизм Кропоткина в виде решения их неотступных трудностей. Социалистические партии России по контрасту со своими

собратьями в Западной Европе с их сильными реформистскими тенденциями были настроены достаточно воинственно, чтобы принимать в свои ряды всех, даже самых страстных и идеалистически настроенных студентов и ремесленников и бездомных бродяг городского дна. И наконец, сама суть анархистского символа веры с его резкой враждебностью к какой-либо иерархической организации препятствовала росту движения. А вот социал-демократы не только позаимствовали многое из революционного духа анархизма, но и укрепили его эффективной организационной структурой.

В силу этих причин российский анархизм все двадцать пять лет своего существования продолжал оставаться рыхлым собранием независимых групп, не имеющим ни партийной программы, ни налаженного механизма координации своих действий. Тем не менее ход событий доказал, что анархизм, так точно отвечавший «максималистским» настроениям революционной России, в первое десятилетие нового века оказал на нее влияние, совершенно неадекватное сравнительно небольшому количеству его сторонников.

Глава 2 ТЕРРОРИСТЫ

*Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!*

Александр Блок

Анархистское движение, на рубеже столетий возникшее в империи Романовых, имело предшественников в прошлом России. Из века в век в ее пограничных областях вспыхивали бурные народные восстания, окрашенные в анархистские тона. Хотя мятежные крестьяне обрушивали свою злобу на помещиков и чиновников, но благоговели перед царем или каким-нибудь самозванцем; память о массовых восстаниях — от Болотникова и Стеньки Разина до Булавина и Пугачева — была богатым источником вдохновения для Бакунина, Кропоткина и их учеников-анархистов.

Анархистские религиозные секты, которыми изобилвала Россия, также оказывали на вождей революционного анархизма глубокое воздействие, хотя сектанты были убежденными пацифистами и предпочитали верить в Христа, а не в насильственные действия. Секты неколебимо отвергали внешнее давление, религиозное или светское. Их приверженцы с презрением относились к официальной иерархии Русской православной церкви; они часто отказывались платить налоги, приносить присягу и брать в руки оружие. «Божьи дети, — заявляли члены секты духоборов, в 1791 году заключенные под стражу, — не испытывают нужды ни в царе, ни во властях, ни в человеческих законах».

Тот же самый христианский квиетизм был основным принципом Льва Толстого и его последователей, которые в 1880-х годах начали создавать анархистские группы в Орловской, Тульской и Самарской губерниях, а также в Москве. На рубеже веков толстовские миссионеры читали проповеди о христианском анархизме, пользующиеся большим успехом в черномоземных областях. Еще южнее, вплоть до Кавказа, они основывали общины. Толстовцы, хотя и считали государство грешным и безнравственным инструментом давления, отвергали революционную активность как источник ненависти и насилия. Они были убеждены, что кровопролитием общество улучшить невозможно — процветание возможно, только когда человек познает христианскую любовь. Конечно, революционные анархисты ни в грош не ставили доктрину Толстого о непротivлении злу насилием. Тем не менее они восторженно принимали его критику государства и формализованной религии, его отвращение к патриотизму и войнам и его глубокое сочувствие «неиспорченному» крестьянству³.

Другим источником анархистских идей, пусть и косвенным, был кружок Петрашевского в Санкт-Петербурге, который в 1840-х годах распространял в России идеи утопического социализма Фурье. Именно из его трудов Бакунин, Кропоткин и их последователи черпали веру в небольшие добровольные коммуны. Оттуда же шла их романтическая убежденность в том, что стоит человеку отринуть искусственные ограничения, наложенные правительствами, как он обретет гармонию бытия. Сходных взглядов придерживались и российские славянофилы в середине XIX столетия, особенно Константин Аксаков, для которого централизованное бюрократическое государство было «принципиальным злом». Аксаков

³ В первые годы XX века ведущим апостолом толстовства считался Владимир Григорьевич Чертков, издатель периодического журнала «Свободное слово», который выходил в Кристичере (Англия). Кроме выпуска журнала (1901 – 1905) Чертков работал над книгой «Против власти» (Кристичер, 1905).

как дома чувствовал себя в писаниях Прудона, Штирнера, а также Фурье. Его идеализированное представление о крестьянских коммунах оказало сильное влияние на Бакунина и последователей. Наконец, анархисты многое усвоили из либертарианского социализма Александра Герцена, прародителя народнического движения, который твердо отказывался жертвовать личной свободой ради тирании абстрактных теорий, вне зависимости от того, кто их выдвигал – парламентские либералы или авторитарные социалисты.

Несмотря на богатое наследство, оставленное крестьянскими революциями, религиозными сектами, группами толстовцев, петрашевцами, славянофилами и Александром Герценом, до начала XX века ни одно движение революционных анархистов не дало о себе знать – даже в зените популярности Бакунина в конце 60-х и начале 70-х годов. Это правда, что Бакунин главенствовал среди горсточки молодых русских эмигрантов. В сотрудничестве с ним они издавали в Женеве два журнала («Народное дело» и «Работник»), жизнь которых была весьма скоротечна. Кроме того, он пользовался влиянием в эфемерном кружке, известном в Цюрихе как «Русское братство». Правда и то, что под влиянием его уникального красноречия многие студенты-народники в 1870-х годах «пошли в народ». Его воздействие чувствовалось и во многих тайных кружках фабричных рабочих, которые в это время начали появляться в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе. Тем не менее в течение жизни Бакунина на русской почве не появилась ни одна серьезная бакунинская организация.

Основными последователями Бакунина в Швейцарии были Н.И. Жуковский, М.П. Сажин (Арманд Росс) и юный мятежник из Румынии, которому досталось семейное имя З.К. Ралли. В 1873 году Ралли помог создать в Женеве небольшую группу, названную Революционной коммуной русских анархистов, которая, как и цюрихское «Братство», распространяла идеи Бакунина среди радикальных изгнанников. А вот в России самым известным последователем Бакунина оказалась драматическая фигура Сергея Геннадиевича Нечаева, не столько подлинного анархиста, сколько апостола революционной диктатуры. Его привлекали не столько возвышенные цели создания бесклассового общества, сколько убежденность в необходимости конспирации и террора.

По мнению Нечаева, настоящим революционером может считаться только тот, кто полностью порывает все связи с существующим порядком, становится непримиримым врагом современного мира, готовым пустить в ход даже самые отвратительные методы – включая кинжал, петлю, любой обман и вероломство – во имя «народной мести». Этот образ безжалостного заговорщика-подпольщика захватывал воображение многих молодых анархистов во время бурных месяцев 1905 и 1917 годов.

Та четверть столетия, что последовала после смерти Бакунина в 1876 году, была в царской империи временем черной реакции. Только перо Петра Кропоткина, жившего в изгнании в Западной Европе, дышало мечтательной убежденностью, что анархистское движение еще живо. Тогда, в 1892 году, может, пораженные размахом голода, который обрушился на их родину, русские студенты в Женеве создали кружок, который занимался пропагандой анархизма – первый после Революционной коммуны Ралли 1873 года.

Под руководством Александра Атабекяна, молодого армянского врача и ученика Кропоткина, новая группа, назвавшая себя «Анархистская библиотека», напечатала несколько брошюр Бакунина, Кропоткина и знаменитых итальянских анархистов Эррико Малатесты и Саверио Мерлино. Старания Атабекяна доставить эту литературу в Россию контрабандой не увенчались большими успехами, но труды «Анархистской библиотеки» привели к тому, что ближе к концу 90-х годов появился еще один пропагандистский кружок, известный под простым названием Женевская группа анархистов.

Из-под пресса швейцарского печатника Эмиля Хелда, сочувствовавшего анархистам, вышла дополнительная партия брошюр Кропоткина и работ таких знаменитых западноевропейских анархистов, как Жан Граве, Элизе Реклю и Иоганн Мост. В 1902 году группа

последователей Кропоткина в Лондоне издала русский перевод книги «Завоевание хлеба». Она получила звонкое название «Хлеб и воля», которое немедленно вошло в арсенал анархистских лозунгов.

Лишь в 1903 году, когда в России зрело предвестие полномасштабной революции, анархистское движение дало о себе знать одновременно и в царской России, и в колониях эмигрантов в Западной Европе. Весной того же года первые анархисты появились в Белостоке и организовали группу «Борьба», которая состояла примерно из двенадцати человек. В то же самое время небольшой кружок молодых кропоткинцев в Женеве основал ежемесячный анархистский журнал (печатал его Эмиль Хелд), который был окрещен «Хлеб и воля» – по знаменитой книге их ментора. Лидерами этой новой женевской группы были К. Оргеиани, грузин, чья настоящая фамилия была Г. Гогелия, его жена Лидия и бывшая студентка Мария Корн (урожденная Голдшмит), чья мать в свое время была последовательницей знаменитого народника Петра Лаврова и чей отец издавал в Санкт-Петербурге журнал позитивистской философии.

Кропоткин из своей лондонской резиденции с энтузиазмом поддержал журнал «Хлеб и воля», снабдив его большим количеством материалов и редакционных статей. Знаменитое изречение Бакунина «Страсть к разрушению – это и страсть к созиданию» было избрано девизом издания. Первый номер, появившийся в августе 1903 года, содержал ликующую прокламацию, что Россия «накануне» великой революции. Контрабандой переправленный через границы Польши и Украины, «Хлеб и воля» был восторженно встречен белостокскими анархистами, которые принялись распространять драгоценные экземпляры среди своих друзей – студентов и рабочих, – пока бумага не начала рассыпаться в руках.

Вскоре на группу «Хлеб и воля» обрушился поток просьб: дайте больше литературы. В ответ группа издала дополнительные брошюры Бакунина и Кропоткина и русские переводы работ Граве, Малатесты и среди прочих Элизе Реклю. Варлаам Николаевич Черкезов, грузин княжеского происхождения и самый известный соратник Кропоткина в Лондоне, передал критический анализ марксистской доктрины, а Оргеиани – отчет о трагическом бунте 1886 года на Хаймаркет-сквер, который кончился мученической смертью четырех чикагских анархистов. В добавление к этим трудам по-русски поступило несколько номеров периодических изданий на идиш *Der Arbayer Fraynd* и *Zsherminal*, которые издавали еврейские анархисты из Ист-Энда⁴; предназначены они были для распространения в гетто в черте оседлости⁵. В Белостоке, не теряя времени, размножили на гектографе рукописные тексты статей из западных анархистских журналов и стали выпускать свои собственные листовки, прокламации и манифесты, большие пачки которых стали рассылаться в соседние общины и даже в такие далекие точки, как Одесса и Нежин (в Черниговской губернии), где с конца 1903 года стали появляться анархистские организации.

Несколько экземпляров «Хлеба и воли» достигли промышленных центров на далеком Урале, а в 1904 году группа анархистских пропагандистов стала распространять на старых запущенных заводах Екатеринбургa.

⁴ Федерация еврейских анархистов, которые в Лондоне жили, главным образом, в Уайтчепеле и Майл-Энде, состояла преимущественно из ремесленников, которые эмигрировали из России в 1880 – 1890 годах. К концу века их лидером и издателем публикаций был Рудольф Рокер, интересная личность, немец христианского происхождения, который, присоединившись к лондонской группе, изучил идиш. Кропоткин и Черкезов часто посещали клуб Федерации на Джубили-стрит.

⁵ В черте оседлости с самого начала циркулировали ранние издания анархистской литературы, которую *Der Arbayer Fraynd* с 1886 года публиковал в Лондоне, но в выходных данных, чтобы обмануть царскую полицию, ставилось «Вильно». В форме пасхальной «Хагады» или молитвенника памфлет ставил традиционные Четыре вопроса. Начинались они так: «Чем ночь Пасхи отличается от всех прочих ночей года?» Но тут вопрос радикально менялся: «Чем мы отличаемся от Шмуэля-фабриканта, Мейера-бан-кира, Зореха-ростовщика и Тодре-раввина?»

В 1905 году в России наконец грянула долгожданная буря. Народное недовольство резко усилилось из-за войны с Японией, которая разразилась в феврале 1904 года. Совершенно не готовый к конфликту, российский колосс потерпел несколько унижительных поражений, ответственность за которые народ возложил на провальную политику царского правительства.

К началу 1905 года ситуация в Санкт-Петербурге достигла предельного напряжения. Увольнение нескольких рабочих на огромном Путиловском военном заводе вызвало цепную реакцию забастовок в столице, которая увенчалась печальными событиями 9 января. Они получили название Кровавого воскресенья. (Все даты даются по юлианскому календарю – на тринадцать дней меньше, чем по западному календарю XX столетия, – которым Россия пользовалась до февраля 1918 года.)

В этот день рабочие фабричных предместий заполнили центр города, образовав огромную процессию. Под руководством Георгия Гапона, священника православной церкви, склонного к театральным поступкам, шествие, неся иконы и портреты царя, распевая псалмы и патриотические гимны, двинулось к Зимнему дворцу. Невооруженные рабочие и члены их семей несли драматическую петицию с просьбой к своему государю положить конец этой войне, созвать конституционное собрание, даровать труженикам восьмичасовой рабочий день и право организации профсоюзов, отменить выплаты за освобождение из крестьянства и наделить всех граждан личной неприкосновенностью и равенством перед законом. Правительственные войска встретили демонстрантов огнем в упор, оставив на улицах сотни убитых и раненых.

В одно мгновение установившиеся издревле связи между царем и народом рухнули; впредь с этого дня, по словам отца Гапона, монарх и его подданные были разделены «реками крови». По всей стране тут же вспыхнул пожар революции. Забастовки, особенно жестокие и непримиримые в нерусских городах, разразились в каждом крупном промышленном центре; около полумиллиона рабочих оставили свои рабочие места и вышли на улицы. Вскоре в балтийских провинциях и в черноземных регионах Центральной России вспыхнули мятежи, крестьяне занимались поджогами и грабежами, как во времена Пугачева. К середине октября волна забастовок, хлынувшая из Москвы и Санкт-Петербурга, парализовала всю сеть железных дорог и привела едва ли не к полной остановке промышленного производства. Растущее число крестьянских волнений в сельской местности, октябрьская всеобщая стачка в городах и внезапное появление Совета рабочих депутатов, руководящего стачечным движением в Петербурге, настолько напугали Николая, что он подписал Манифест 17 октября, которым даровал народу неотъемлемые гражданские права, и заверил, что ни один из законов не будет принят без одобрения Государственной думы. Но поскольку их экономические требования не получили удовлетворения и инерция революции была сильна, рабочие и крестьяне продолжали бунтовать.

В декабре революция достигла своего апогея. В Москве забастовки и уличные демонстрации переросли в вооруженное восстание, которое было главным образом делом рук большевиков, но и анархисты и другие группы левого крыла принимали в нем активное участие. В рабочем квартале на Пресне появились баррикады. Бои шли более недели, и восстание было подавлено правительственными войсками, большинство из которых доказали свою верность царю. Короткое время яростные бои кипели в Одессе, Харькове, Екатеринославе, но армии и полиции удалось рассеять мятежников.

Эти вспышки народного недовольства, начатые Кровавым воскресеньем, дали мощный толчок радикальному движению, которое только начало развиваться в России. В течение революции 1905 года, как вспоминал Иуда Рощин, один из ведущих участников событий в Белостоке, анархистские группы «росли как грибы после дождя». До 1905 года в Белостоке было не больше двенадцати или пятнадцати анархистов, но к весне того же года суще-

ствовало уже пять кружков, состоящих главным образом из бывших бундовцев и социалистов-революционеров. Они включали в себя не менее шестидесяти членов.

По сообщению надежного источника, в мае весь «отдел агитации» белостокской организации социалистов-революционеров перешел к анархистам. Когда в следующем году движение достигло пика, в него входила, скорее всего, дюжина кружков, объединенных в свободную федерацию. По подсчетам Рощина, когда анархисты Белостока обладали максимальной силой, их было около 300 человек, но это число кажется преувеличенным. Всего активных анархистов, скорее всего, было не больше 200 человек (фабричные рабочие, ремесленники, интеллигенты), хотя сотни людей достаточно регулярно читали их литературу и сочувствовали взглядам.

В западных губерниях организация анархистских групп тянулась от Белостока до Варшавы, Вильно, Минска, Риги и даже до таких небольших городов, как Гродно, Ковно и Гомель. И наконец, даже в маленьких «штетл» (местечках), рассыпанных в пределах черты оседлости, существовали крохотные анархистские группы, в которые входили от двух до двенадцати членов, – из больших городов они получали литературу и оружие, которое предполагалось пускать в ход против владельцев государственной и частной собственности. На юге анархистские группы появились сначала в Одессе и Екатеринославе, а их отделения – в Киеве и Харькове на Украине, а также в крупных городах Кавказа и Крымского полуострова.

Все строилось по одному и тому же образцу: горсточка разочарованных социал-демократов или социалистов-революционеров образовывала небольшой кружок анархистов. Литература либо тайно доставлялась с Запада, либо с оказией – из Риги, Белостока, Екатеринослава, Одессы или из каких-то других центров, после чего распространялась среди рабочих и студентов этого района; появлялись другие кружки, и вскоре возникшие федерации приступали к самой разнообразной деятельности радикального толка: агитация, демонстрации, забастовки, грабежи и покушения. По мере того как революция набирала силу, анархистская волна начинала распространяться центростремительно, захватывая Москву и Санкт-Петербург, политические центры Российской империи, хотя это движение в столицах-близнецах носило более мягкие формы по сравнению с насилием на периферии.

Общим для всех новых анархистских организаций было полное разрушение капитализма и государства, ставящее целью расчистить путь для либертарианского общества будущего. Правда, практически не удавалось договориться, каким образом этого достичь. Самые горячие дебаты разгорались по вопросу о месте террора в революции. На одной стороне стояли две схожие группы «Черное знамя» и «Безначалие», которые защищали кампанию неограниченного террора против мира буржуазии. «Черное знамя» (это эмблема анархистов), вероятно самое крупное в империи сообщество анархистов-террористов, считало себя организацией анархистов-коммунистов, то есть тех, кто поддерживал цель Кропоткина – создание свободного сообщества, каждый член которого будет получать по потребностям. Тем не менее их конкретная тактика заговоров и насилия черпала вдохновение у Бакунина. «Черное знамя» привлекало больше всего сторонников в пограничных губерниях запада и юга. В их среде господствовали студенты, ремесленники и фабричные рабочие, но было также и несколько крестьян из деревень, расположенных рядом с крупными городами, и безработные, бродяги, профессиональные воры и самозванные супермены-нищиеанцы. Хотя многие из анархистов были поляками, украинцами и великороссами, большинство участников составляли евреи. Бросалось в глаза, что в экстремистской организации «Черное знамя» большей частью состояла молодежь девятнадцати – двадцати лет. А кое-кому из самых активных чернознаменцев вообще было всего пятнадцать или шестнадцать лет.

В Белостоке почти все анархисты были членами «Черного знамени». История этой молодежи отмечена отчаянным фанатизмом и непрерывными актами насилия. Они были первой анархистской группой, которая сознательно взяла на вооружение политику террора

против существующего порядка. В своих кружках из десяти или двенадцати человек они строили планы мести хозяевам и правителям.

Из-под печатного пресса «Анархия» выходил буквально поток зажигательных прокламаций и манифестов, полных горячей ненависти к существующему обществу и призывов к его немедленному разрушению. Типичной была листовка, адресованная «Всем рабочим» Белостока, 2000 экземпляров которой летом 1905 года, незадолго до заключения мира с Японией, было распространено по заводам и фабрикам. Атмосфера была полна мук, боли и разочарования. Тысячи жизней, начиналась она, были впустую принесены в жертву на Дальнем Востоке, еще тысячи погибают дома, как жертвы капиталистической эксплуатации. Подлинные враги народа – не японцы, а государство и частная собственность, – пришло время разрушить их. Листовка предупреждала рабочих Белостока: не предавать свою революционную миссию ради лживых посулов парламентских реформ, к которым стремятся многие социал-демократы и эсеры. Парламентская демократия – это всего лишь бесстыдный обман, хитрый инструмент, при помощи которого средний класс хочет господствовать над рабочими массами. Не позволяйте себя обманывать, требовала листовка, этой «научной дымовой завесой» социалистов-интеллигентов. Пусть вашим учителем и вождем будет одна лишь жизнь. Единственный путь к свободе лежит через «отчаянную классовую борьбу за анархистские коммуны, в которых не будет ни хозяев, ни управляющих, а будет царить подлинное равенство». Рабочие, крестьяне и безработные должны высоко поднять черное знамя анархии и двинуться к подлинной социальной революции. «Долой частную собственность и государство! Долой демократию! Да здравствует социальная революция! Да здравствует анархия!»

Хотя их обычными местами встречи были мастерские или частные квартиры, чернознаменцы Белостока часто под предлогом участия в похоронах собирались на кладбищах или в лесах на окраинах города, выставя дозорных, которые предупреждали об опасности. В течение лета 1903 года рабочие, социалисты и анархисты, провели ряд таких лесных встреч, чтобы выработать стратегию противостояния многочисленным увольнениям на текстильных фабриках. Когда одна из таких встреч была с ненужной жестокостью разогнана жандармами, анархисты в ответ ранили выстрелом начальника полиции в Белостоке. Так началась вендетта, которая без перерывов продолжалась в течение следующих четырех лет.

Ситуация на фабриках продолжала ухудшаться. Наконец летом 1904 года ткачи забастовали. Владелец большой прядильной фабрики Авраам Коган решил пригласить штрейкбрехеров, в результате чего разразилась кровавая стычка. Она спровоцировала восемнадцатилетнего чернознаменца Нисана Фарбера отомстить за своих сотоварищей рабочих. В день еврейского Страшного суда (Иом-Кипур) он напал на Когана на ступенях синагоги, серьезно ранив его ножом.

Через несколько дней состоялась еще одна встреча, в лесу, на которой обсуждались дальнейшие действия против текстильных магнатов. На ней присутствовало несколько сотен рабочих – анархисты, бундовцы, эсеры и сионисты. Они произносили зажигательные речи и пели революционные песни. Под аккомпанемент криков «Да живет анархия!» и «Да здравствует социал-демократия!» полиция окружила это бурное собрание, ранила и арестовала десятки человек. Нисан Фарбер снова призвал к мести. После испытания в местном парке своей самодельной «македонской» бомбы, он швырнул одну из них в подъезд управления полиции, ранив несколько офицеров внутри. Сам Фарбер погиб при взрыве.

Вскоре имя Нисана Фарбера стало легендой для чернознаменцев пограничных губерний. После того как в январе 1905 года разразилась революция, они последовали его примеру неограниченного терроризма. Чтобы раздобыть оружие, группы анархистов совершали налеты на оружейные магазины, полицейские участки и арсеналы; маузеры и браунинги, которые таким образом попадали им в руки, становились их излюбленным оружием. Стоило им вооружиться пистолетами и примитивными бомбами, сделанными в кустарных лабора-

ториях, банды анархистов совершали бездумные убийства и «экспроприации» денег и ценностей из банков, почтовых отделений, с заводов, из магазинов и частных жилищ дворян и представителей среднего класса.

В период революции налеты на работодателей и их предприятия – акты «экономического террора» – стали повседневным явлением. В Белостоке кидали динамитные шашки на фабрики и в квартиры наиболее ненавистных промышленников. На заводе кожаных изделий анархисты призывали рабочих к нападению на своего хозяина, которому, спасаясь, пришлось выпрыгнуть в окно. В Варшаве партизаны «Черного знамени» грабили и взрывали фабрики, мешали работе пекарен, взрывая печи и подливая керосин в тесто. Чернознаменцы в Вильно издали «открытое обращение» на идиш к фабричным рабочим, предупреждая их о существовании шпионов компаний, которых внедряли в их среду, чтобы выслеживать террористов. «Долой провокаторов и шпионов! Долой буржуев и тиранов! Да здравствует террор против буржуазного общества! Да здравствует коммуна анархистов!»

Чаще всего инциденты с применением насилия случались на юге. Чернознаменцы Екатеринослава, Одессы, Севастополя и Баку организовывали «боевые дружины» террористов, создавали лаборатории взрывчатки, совершали бесчисленные убийства и налеты, взрывали предприятия и вступали в кровопролитные стычки с сыщиками, которые выслеживали их убежища. Случалось, даже торговые суда, которые заходили в Одесскую гавань, становились объектами анархистских «эксов», так назывались «экспроприации», а деловые люди, врачи и юристы под страхом смертной казни были вынуждены передавать анархистам денежные взносы.

Типичной была история Павла Гольмана, молодого рабочего из Екатеринослава. Сын сельского полицейского, он нашел работу в Екатеринославских железнодорожных мастерских. В 1905 году, побывав в рядах эсеров и социал-демократов, он вступил в «Черное знамя». «К анархизму меня привлекли не ораторы, – объяснил он, – а сама жизнь». Гольман входил в состав забастовочного комитета своего предприятия и во время всеобщей стачки в октябре дрался на баррикадах. Вскоре он стал принимать участие в «эксах» и диверсиях на железной дороге в окрестностях Екатеринослава. Раненный при взрыве одной из своих самодельных бомб, он был схвачен и под охраной отправлен в больницу. Когда не удалась дерзкая попытка его соратников освободить Гольмана, он покончил с собой. Ему было всего двадцать лет.

В глазах чернознаменцев каждый насильственный акт, каким бы жестоким и бессмысленным он ни казался обществу, имел смысл, как средство мести и расплаты с мучителями. Анархистам не нужно было искать особого повода, чтобы бросить бомбу в театр или ресторан; достаточно было знать, что такие места посещают только преуспевающие граждане. Член «Черного знамени» на суде в Одессе так объяснил судьям концепцию «безмотивного» террора: «Мы признаем отдельные экспроприации только как способ получения денег для наших революционных действий. Если мы получаем деньги, мы не убиваем тех лиц, у которых экспроприируем. Но это не значит, что он, владелец денег, откупился от нас. Нет! Мы будем искать его в самых разных ресторанах, кафе, театрах, на балах, концертах и так далее. Смерть буржую! И кем бы он ни был, ему никогда не скрыться от бомб и пуль анархистов».

Небольшая группа, отколовшаяся от организации «Черное знамя», возглавляемая Владимиром Стригой (Лapidусом), была убеждена, что редкие отдельные налеты на буржуазию ничего не дают. Она призывала к массовому восстанию, чтобы превратить Белосток во «вторую Парижскую коммуну». Эти «коммунары», под таким именем они были известны своим соратникам-чернознаменцам, не отрицали насильственных действий, но просто хотели сделать еще один шаг на пути к массовому революционному восстанию, которое без промедления должно привести к бесклассовому обществу. Тем не менее эта стратегия не получила большой поддержки. На конференции, состоявшейся в январе 1906 года в Кишиневе,

«безмотивники», доказавшие, что отдельные террористические акты представляют собой мощное и эффективное оружие против старого порядка, легко одержали верх над своими соратниками-«коммунарами», поскольку «безмотивники» только что одержали две драматические удачи: в ноябре и декабре 1905 года они взорвали бомбы в отеле «Бристоль» в Варшаве и в кафе Либмана в Одессе, добившись большой известности, которая повергала в дрожь уважаемых членов общества. Возбужденные этими успехами, «безмотивники» строили еще более величественные планы разрушений, не догадываясь, что момент их триумфа вскоре сменится куда более продолжительным периодом жестоких кар.

Столь же фанатичной, как и «Черное знамя», была небольшая группа вооруженных анархистов «Безначалие», действовавшая в Санкт-Петербурге. Работая в основном за пределами черты оседлости (хотя небольшие кружки существовали в Варшаве, Минске и Киеве), «Безначалие», не в пример «Черному знамени», имело в своих рядах лишь несколько евреев. Очень высока была пропорция студентов, даже выше, чем в «Черном знамени», а неквалифицированные рабочие и безработные бродяги составляли лишь малую часть. Как и чернознаменцы, члены «Безначалия» называли себя анархо-коммунистами, ибо конечной их целью была свободная федерация территориальных коммун. Тем не менее они имели много общего с анархистами-индивидуалистами, эпигонами Макса Штирнера, Бенджамена Такера и Фридриха Ницше, которые индивидуальное «эго» ставили выше потребностей общества. В своей страстной увлеченности революционной конспиративностью и крайней враждебности к интеллигенции – несмотря на то что почти все они сами были интеллигентами – «Безначалие» несло на себе отпечаток личности Сергея Нечаева и его предшественников из ультрарадикального кружка Ишутина, в 1860-х годах действовавшего в Санкт-Петербурге.

Как и их собратья из «Черного знамени», мятежники «Безначалия» были яркими сторонниками «безмотивного» террора. Каждый удар по правительственным чиновникам, полицейским или собственникам представлял собой прогрессивное действие, потому что вызывал «классовый разлад» между униженным большинством и привилегиями их хозяев. Их боевым кличем был «Смерть буржуазии!», потому что «смерть буржуазии – это жизнь рабочих».

Группа «Безначалие» была основана в 1905 году молодым интеллигентом, который носил псевдоним Бидбей. По странному совпадению его подлинное имя и фамилия были Николай Романов, как у царя. Рожденный в семье обеспеченного землевладельца, Николай рос маленьким и хрупким, однако обладал бурным, импульсивным характером и острым умом. В начале столетия молодой человек числился студентом Санкт-Петербургского горного института, откуда был исключен за участие в студенческой демонстрации. Когда ректор института послал ему письмо с уведомлением об исключении, Романов вернул его с резолюцией «Прочел с удовольствием. *Николай Романов*», подобно тем, которые царь часто оставлял на представляемых ему документах. После исключения Романов отправился в Париж, но уже в новом облике – подпольщика, оснащенного новыми документами. В резком памфлете, появившемся в преддверии 1905 года, Бидбей рисовал страшные образы разгрома и разрухи, которые уже маячат за горизонтом: «Страшная ночь! Ужасные сцены... Это отнюдь не невинные проказы «революционеров». Это Вальпургиева ночь революции, когда Люцифер призывает Спартака, Разина – и герои кровавых пиршеств слетаются на землю. И Люцифер поднимает восстание!»

Через несколько недель после начала восстания Бидбей с помощью друзей в эмиграции приступил к изданию ультрарадикального журнала «Листок группы «Безначалие», который вышел в свет дважды: весной и летом 1905 года. В первом номере было представлено кредо «Безначалия»: любопытная смесь веры Бакунина в отщепенцев общества, требований Нечаева кровавой мести привилегированным классам, концепции Маркса о классовой борьбе и

перманентной революции, а также кропоткинских представлений о свободной федерации коммун. Бидбей и его союзники объявили современному обществу «партизанскую войну», в которой будет разрешен террор любого вида – индивидуальный, массовый, экономический. Поскольку «буржуазный» мир прогнал до корней, в парламентских реформах нет никакого смысла. Необходимо вести широкую классовую борьбу, «вооруженное восстание народа: крестьян, рабочих и всех обездоленных, которые ходят в лохмотьях... уличные бои всех возможных видов и в самой яростной форме... революцию en permanence, которая будет представлять целый ряд народных восстаний – пока бедняки не одержат решительной победы». В нечаевском духе (Бидбей обожал цитировать или пересказывать слова Нечаева, перед которым он просто преклонялся) символ веры «Безначалия» отрицал религию, семью, всю буржуазную мораль и звал неимущих нападать и грабить дома и предприятия своих эксплуататоров. Революция должна делаться руками не только рабочих и крестьян, декларировал Бидбей, повторяя Бакунина, но и так называемыми «отбросами общества – безработными, бродягами, нищими, отщепенцами и отверженными, потому что все они наши братья и друзья». Бидбей всех их призывал к «могучей и безжалостной, всеобщей и кровавой народной мести» (любимое выражение Нечаева). «Да здравствует федерация свободных коммун и городов! Да здравствует анархия!»

Ужасающие представления Бидбея о революции делил с ним небольшой кружок анархистов-общинников, который во время революции 1905 года доставил в Санкт-Петербург огромное количество подстрекательской литературы. Заметным членом этой группы был Толстой-Ростовцев (он же Н.В. Дивногорский), сын правительственного чиновника из Саратовской губернии. Примерно тридцати лет от роду (Бидбею было двадцать с небольшим), Ростовцев обладал простой, но симпатичной внешностью, а идеализм его натуры с готовностью преобразовался в революционный фанатизм. Посещая Харьковский университет, он стал вначале страстным последователем толстовского непротивления злу насилием, но вскоре оказался на противоположном полюсе – проповедником неограниченного террора. В 1905 году он писал инструкции (вместе с чертежами) по изготовлению самодельных «македонских» бомб и давал советы крестьянам, «как ловчее поджигать скирды сена своего помещика». На обложке одной из брошюр изображены бородатые крестьяне с косами и вилами в руках, поджигающие церковь и усадьбу в своем селе. На их знамени был девиз: «За землю, за волю, за анархистскую долю». Ростовцев призывал русский народ «взять топор и обречь на смерть царскую семью, помещиков и попов!».

Другие брошюры Ростовцев и его соратники по кружку анархистов-общинников адресовали фабричным рабочим Петербурга, побуждая их ломать станки, подкладывать заряды динамита под городские электростанции, бросать бомбы в «палачей» из среднего класса, грабить банки и магазины, взрывать полицейские участки и сносить тюрьмы с лица земли. Кровавое воскресенье научило рабочих, чего ждать от царя и робких адвокатов постепенных реформ. «Пусть могучая волна массового и индивидуального террора захлестнет всю Россию! Да восторжествует бесклассовое общество, где каждый будет иметь свободный доступ к общественным хранилищам и работать всего четыре часа в день, чтобы иметь время для отдыха и образования – время, чтобы жить, «как подобает человеку», неся лозунги социальной революции и «Да здравствует анархистская коммуна!».

Петербургские анархисты-общинники и парижская группа Бидбея «Безначалие» вне всяких сомнений имели много общего. Не раз листовки петербургской группы перепечатывались в «Листке» Бидбея. И соответственно не вызывало удивления, что, когда в декабре 1905 года Бидбей вернулся в российскую столицу, анархисты-общинники сразу же признали его своим лидером и сменили имя организации на «Безначалие».

В рядах «Безначалия» была женщина-доктор, три или четыре гимназиста, жена Ростовцева Маруся и несколько бывших студентов университета (кроме Бидбея и Ростов-

цева) , весьма выдающийся молодой человек из провинции девятнадцати лет от роду Борис Сперанский и Александр Колосов (Соколов), примерно двадцати шести лет, сын священника из Тамбовской губернии. Как и многие другие участники революционного движения, Колосов получил образование в православной семинарии, где преуспел в математике и в иностранных языках. Он был принят в Духовную академию, но резко прервал многообещающую церковную карьеру, вступив в эсеровский кружок и занявшись революционной пропагандой. Затем он провел какое-то время в ряде российских университетов, но лишь для того, чтобы вернуться в отцовскую деревню, где стал вести пропаганду среди крестьян. В 1905 году Колосов прибыл в Санкт-Петербург и вступил в анархистский кружок Ростовцева.

Кроме Бидбея (и возможно, Ростовцева), по крайней мере еще один член «Безначалия» имел дворянское происхождение. Владимир Константинович Ушаков, чей отец был земским начальником в Санкт-Петербургской губернии, вырос в семейном имении под Псковом. После окончания гимназии в Царском Селе, где была летняя резиденция царя, Ушаков поступил в Санкт-Петербургский университет и уже в 1901 году включился в студенческое движение. Как и Бидбей, он уехал за границу, но вернулся в Санкт-Петербург как раз, чтобы стать свидетелем массовой бойни Кровавого воскресенья. Скоро он вступил в ряды анархистов-общинников и стал действовать как агитатор среди фабричных рабочих, которым был известен под кличкой Адмирал.

И наконец, надо упомянуть еще одного члена кружка Бидбея, некоего Дмитриева, или Дмитрия Боголюбова, который, как выяснилось, был полицейским шпиком и способствовал провалу группы в январе 1906 года. В то время, когда «Безначалие» планировало крупную «экспроприацию» (пока им удалось провести лишь два террористических акта: взрыв бомбы и стрельба по сыщикам), полиция ворвалась в их штаб-квартиру, арестовала заговорщиков и захватила их печатный пресс. Ускользнуть из рук властей повезло только Ушакову, который скрылся во Львове в Австрийской Галиции.

«Черное знамя» и «Безначалие» при всей их известности были единственными организациями анархо-коммунистов, которые возникли в революционной России. Что же до остальных, то некоторые предпочли придерживаться относительно умеренного курса кропотливой организации «Хлеб и воля», в основном довольствуясь распространением пропаганды среди рабочих и крестьян. Тем не менее большинство приняло кровавое кредо Бакунина и Нечаева и ступило на путь терроризма. Одно такое ультрарадикальное общество, Интернациональная группа в балтийском городе Риге, организовало серию «эксов» и выпустило на гектографе поток листовок, понося сдержанность и умеренность любого вида. Рижская группа презрительно отбросила мнение социалистов, что волнения 1905 года были «демократической революцией», и осудила их за защиту «мирного сотрудничества в парламенте со всеми капиталистическими партиями». Лозунг «свободы, равенства и братства», под которым неизменно выступали все европейские революции XVIII и XIX веков, был пустым обещанием со стороны среднего класса. «Научный» социализм окрещен пустым обманом. Марксисты с их централизованным партийным аппаратом и многословными разговорами об исторических этапах, по их мнению, были «друзьями народа» не больше, чем Николай II. Они скорее были якобинцами наших дней, которые ставили себе целью с помощью рабочих захватить для себя власть. Подлинного освобождения человечества можно добиться только с помощью социальной революции широких масс. Нетерпеливые ответвления анархизма прибегали к насильственным формам, в основном на юге, где «боевые порядки» больших городов в старании координировать свою террористическую деятельность объединялись в свободных рамках Южно-русской боевой организации.

Анархисты Киева и Москвы как бы по контрасту прилагали максимальные усилия к распространению пропаганды. Киевская группа анархо-коммунистов нашла убедительного

защитника умеренного курса действий в лице молодого кропоткинца Германа Борисовича Сандомирского⁶. Тем не менее самым важным пропагандистским центром была Москва. Первый анархистский кружок появился здесь в 1905 году, но почти сразу же распался, едва полиция арестовала его лидера, еще одного молодого ученика Кропоткина Владимира Ивановича Забрежнева (Федорова). Группа «Свобода», которая смогла заявить о себе в декабре 1905 года, действовала как склад, перевалочный пункт пропагандистских материалов, получая литературу из Западной Европы и из пограничных губерний, откуда она распространялась среди новых ячеек в Москве, Нижнем Новгороде, Туле и других промышленных центрах Центральной России. В 1906 году в Москве появились еще четыре группы: «Свободная коммуна», «Солидарность» и «Безвластие», искавшие себе сторонников в рабочих районах, а также студенческий кружок, использовавший аудитории Московского университета как революционный форум. Совместные митинги с эсерами и социал-демократами, на которых шли горячие дебаты о достоинствах парламентского правительства, порой проходили на Воробьевых горах и в Сокольниках на окраине города. «Долой Думу! – случалось, кричали анархисты. – Долой парламентаризм! Мы хотим свободы и хлеба! Да здравствует народная революция!» Некоторые из московских групп к пропагандистской деятельности примешивали и терроризм, делая «японские» бомбы и собирая тайные конклавы в Донском монастыре, чтобы планировать «экспроприации». Одна молодая женщина двадцати шести лет рассталась с жизнью, когда бомба, которую она проверяла, взорвалась у нее в руках.

Кроме многочисленных групп анархо-коммунистов, которые во время революции 1905 года появились по всей России, в Одессе возникла еще одна, совсем небольшая группа анархистов, анархо-синдикалистского толка (о них пойдет речь ниже), а в Москве, Санкт-Петербурге и Киеве появилась еще одна разновидность – анархо-индивидуалисты. Оба ведущих представителя индивидуалистского анархизма обитали в Москве – Алексей Алексеевич Боровой и Лев Черный (Павел Дмитриевич Турчанинов). От Ницше они унаследовали желание полного отказа от всех ценностей буржуазного общества – политических, моральных и культурных. Более того – находясь под сильным влиянием Макса Штирнера и Бенджамена Такера, немецкого и американского теоретиков индивидуалистского анархизма, они потребовали полного освобождения человеческой личности от пут организованного общества. С их точки зрения, даже добровольческие коммуны Петра Кропоткина ограничивают свободу личности. Часть анархо-индивидуалистов нашла конечное выражение своей социальной отчужденности в насилии и преступлениях, другие обрели себя в авангардистских литературных и художественных кружках, но большинство осталось философскими анархистами, которые вели оживленные дискуссии и разрабатывали свои теории индивидуализма в толстых журналах и книгах.

Хотя все эти три категории русского анархизма – анархо-коммунисты, анархо-синдикалисты и анархо-индивидуалисты – вербовали своих сторонников почти исключительно из рядов интеллигенции и рабочего класса, группы анархо-коммунистов предприняли определенные усилия для распространения своих идей среди солдат, а также крестьян. В начале 1903 года «Группа русских анархистов» опубликовала небольшую брошюру, в которой призывала к «дезорганизации, разложению и уничтожению русской армии и замене ее вооруженными массами народа». После поражения в Русско-японской войне листовки анархистов настойчиво убеждали солдат, что подлинную войну они должны вести дома – против правительства и любой формы частной собственности. Тем не менее антимилитаристская литера-

⁶ В 1907 году Дмитрий Богров, который четыре года спустя совершил в Киеве покушение на премьер-министра Столыпина, был членом киевской группы анархо-коммунистов и в то же время состоял агентом секретной полиции. Тем не менее убийство Столыпина было его личным актом, не имевшим прямой связи с его революционной или полицейской деятельностью.

тура такого рода не пользовалась большим спросом, и очень сомнительно, что она оказывала какое-либо заметное влияние на войска.

Пропаганда в деревнях велась с большим размахом, но результаты ее, похоже, оказались лишь немногим лучше. В сентябре 1903 года во втором номере издания «Хлеб и воля» был объявлен «аграрный террор» как «решительная форма партизанской войны против помещиков и центрального правительства». Нелегальная брошюра, в том же году изданная в Санкт-Петербурге, заверяла крестьян, что им не нужен «ни царь, ни правительство», а только «земля и свобода». Автор ссыался на мифы об идиллическом веке свободы, который якобы существовал в средневековой России, когда власть в городах принадлежала общему собранию (вече), а в деревнях – общине. Чтобы восстановить такое либертарианское общество, народ должен был вести «неустанную борьбу за освобождение». «Рабочие и крестьяне! Не признавайте никакой власти, никаких мундиров, никаких ряс. Любите только свободу и стойте за нее!»

Революция 1905 года стала мощным стимулом для пропаганды такого рода. «Долой помещиков, долой богатых! – заявлял Ростовцев из группы «Безначалие», подстрекая крестьян жечь сеновалы своих хозяев. – Вся земля принадлежит нам, крестьянскому народу!» Анархисты-коммунисты из Одессы, Екатеринослава, Киева и Чернигова распространяли в деревнях «маленькие книжки», содержащие призывы к восстанию, – точно как тридцать лет назад их предшественники – народники. В Рязанской губернии листовки с такими заголовками, как «Вынь плуг из борозды» и «Как крестьянам обойтись без властей», переходили из рук в руки; в последней описывалась сельская коммуна, которая, избавившись от правительства, жила свободно и счастливо. «Хлеб, одежду и другие товары каждый будет брать из общественных хранилищ в соответствии со своими потребностями».

В Тамбовской губернии безначалец Колосов в 1905 году сеял семена анархизма и три года спустя они дали плоды в форме группы крестьян-анархистов «Пробуждение». Другие анархистские группы появились в сельскохозяйственных районах между 1905 и 1908 годами, но они часто походили на социалистов-революционеров, которым в революционный период едва ли не принадлежала монополия на крестьянский радикализм.

Во время восстания 1905 года, когда чернознаменцы и «Безначалие» вели борьбу не на жизнь, а на смерть против правительства и обеспеченных классов России, Кропоткин и его приверженцы оставались на Западе, занятые не столь пламенными задачами, а вопросами пропаганды и организации. Обе экстремистские группы сочли относительную респектабельность кропоткинского издания «Хлеб и воля» просто отвратительной. Террористы, ежедневно рискуя жизнью в актах насилия, отвергали то, что считали пассивным отношением кропоткинцев к героическому эпосу, который творился в России. Еще в 1903 году у них сложилось двойственное отношение к описанию Кропоткиным грядущей революции в России просто как к «прологу или пусть даже к первому акту общинной революции на местах». И в 1905 году крайние элементы тем более преисполнились подозрительности, когда Кропоткин сравнил бурю в России с английской и французской революциями, которые, с их точки зрения, просто привели к власти новых хозяев. Для «Безначалия» и «Черного знамени» 1905 год был не робким шагом к компромиссной системе «либерального федерализма», а последним и решительным боем, подлинным Армагеддоном.

Может быть, эти яростные сторонники анархистского движения в какой-то мере неправильно истолковывали те наблюдения, которые Кропоткин сделал в 1905 году. Проводя свою аналогию между революцией в России, с одной стороны, и английской и французской, с другой, Кропоткин специально подчеркивал, что Россия совершила куда больше, чем «просто переход от автократии к конституционализму», это больше, чем простой политический переход, при котором аристократия или средний класс становятся новыми правителями на месте

короля». Когда Кропоткин изучал ранние мятежи и революции в Западной Европе, больше всего его поразила их многосторонность и разительные перемены, которые они вызвали в человеческих отношениях. Он был убежден, что события 1905 года были для России «великой революцией», по глубине и размаху сравнимой с великими революциями во Франции и Англии, а не мимолетным мятежом, организованным небольшой группой повстанцев. Русские люди были свидетелями не «простой смены администрации», а *социальной* революции, которая могла бы «радикально изменить условия экономической жизни» и положить конец существованию этого правительства насилия. Действительно, русская революция доказала, что она куда более бурная, чем предыдущие восстания на Западе, потому что она была направлена на «освобождение народа, основанное на подлинном равенстве, подлинной свободе и искреннем братстве».

Тем не менее постоянные ссылки Кропоткина на революции в Англии и Франции, похоже, как-то сдерживали реализацию идеи бесклассового коммунизма, к которому так отчаянно стремились черносотенцы и «Безначалие». Более того, учитывая резкую антипатию Кропоткина к мятежам и бунтам, которые организовывали небольшие группы мятежников, неудивительно, что в кругах террористов к его анализу революции 1905 года относились неодобрительно.

Снова и снова Кропоткин выражал свое неодобрение и переворотам бланкистов и кампаниям террора и насилия, которые проводили небольшие тесно сплоченные группы заговорщиков, изолированные от народной массы. Редкие и случайные убийства и грабежи, настаивал он, произведут куда меньшее воздействие на существующий порядок вещей по сравнению с захватом политической власти; индивидуальным «эксам» не должно быть места в широкой революции масс, цель которой не алчное перераспределение богатств от одной группы к другой, а полное уничтожение частной собственности как таковой.

Владимир Забрежнев, один из учеников Кропоткина, сравнивал эскапады русских террористов с «эрой динамита» во Франции, когда в начале 1890-х годов отчаянные налеты Равашолья, Августа Вэлланта и Эмиля Генри заставляли чиновников и бизнесменов трястись от страха за свою жизнь. Разгул насилия тех лет, хотя и объяснялся общественной несправедливостью, все-таки мало чем отличался от вспышек личного «гнева и возмущения», говорит Забрежнев. «Есть основания утверждать, — делает он вывод, — что такие действия, как нападение на первого же буржуа или правительственного чиновника, которого вам доводится встретить, использование яда или взрывчатки в кафе, театрах и т. д., ни в коем случае не представляют логического вывода из анархистского Weltanschauung; объяснение этих действий в психологии тех, кто их совершает». Сходным образом хлебовольцы Кропоткина осуждали банды грабителей, такие как «Черный ворон» и «Ястреб» из Одессы, за то, что они используют идеологический плащ анархизма, дабы скрыть хищническую натуру своих действий. Эти «бомбометатели-экспроприаторы», заявляли кропоткинцы, ничем не лучше, чем бандиты из Южной Италии, и их программа всеобщего террора представляет собой гротескную карикатуру на доктрины анархизма, она деморализует подлинных сторонников движения и дискредитирует анархизм в глазах общества.

Тем не менее при всех суровых словах Кропоткин и его хлебовольцы продолжали санкционировать акты насилия, источником которых была уязвленная совесть или сочувствие к угнетенным, а также «пропаганда действием», специально созданная для пробуждения революционной сознательности масс. Группа «Хлеб и воля» тоже оправдывала «оборонительный террор» для отпора разгулу полицейских сил или черносотенцев, отрядов громил, устраивавших еврейские погромы и нападения на интеллигенцию в 1905 – 1906 годах. И поэтому сообщение из Одессы, бурным летом 1905 года опубликованное в издании «Хлеб и воля», провозглашало: «Только враги народа могут быть врагами террора!»

Из нескольких анархистских школ, появившихся в этот период в России, самыми суровыми критиками тактики терроризма были анархо-синдикалисты. Даже сравнительно сдержанные хлебобольцы не избежали их цензуры. Самый известный лидер анархо-синдикалистов в России, выступавший под псевдонимом Даниил Новомирский (его настоящее имя Яков Кириловский), упрекал Кропоткина и его последователей за то, что они поощряли пропаганду действием и другие отдельные формы терроризма, которые, как он говорил, лишь поощряли совершенно ненужный «дух мятежа» среди отсталых и не готовых к действиям масс. Что же до откровенных террористов «Безначалия» и «Черного знамени», Новомирский сравнивал их с организацией «Народная воля» предыдущего поколения, потому что все эти группы ошибочно полагались на небольшие «отряды мятежников», действия которых якобы повлекут за собой фундаментальные изменения старого порядка – а эта задача под силу только широким массам самого русского народа.

Новомирскому довелось быть в той толпе, которая собралась у кафе Либмана после того, как в декабре 1905 года оно пережило взрыв бомбы. Он обратил внимание, что в этом кафе собирались отнюдь не самые богатые люди. Это был «второклассный» ресторан, обслуживавший мелкую буржуазию и интеллигенцию. Бомба, взорвавшаяся на улице, не произвела «ничего, кроме шума». Новомирский отметил реакцию рабочих, стоявших на улице в толпе: «Что, революционеры не могут придумать ничего лучшего, чем бросать бомбы в рестораны? Можно подумать, что царская власть уже свергнута и буржуазия уничтожена! Бомбу, без сомнения, бросили черносотенцы, чтобы дискредитировать революционеров».

Новомирский предупреждал, что, если анархисты продолжают следовать своей бесплодной тактике и будут бросать в бой свои неподготовленные батальоны, судьба их будет столь же трагичной, сколь и у «Народной воли», руководители которой закончили свой путь на виселице. Первостепенная задача анархизма, утверждал он, – это распространение пропаганды на заводах и организация революционных профессиональных союзов, которые станут средством классовой борьбы против буржуазии. В наше время, добавлял он, единственным эффективным террором может быть «экономический террор» – забастовки, бойкоты, саботаж, нападения на директоров предприятий и экспроприация правительственных фондов. «Неразборчивые налеты банд мародеров, вместо того чтобы поднимать революционную сознательность пролетариата, могут только «зlobить рабочих, вызывать к жизни кровожадные инстинкты».

Как ни смешно, но и собственная группа анархо-синдикалистов Новомирского в Одессе создала боевой отряд и провела ряд дерзких «экспроприаций». Для пополнения казны группы боевой отряд ограбил поезд под Одессой, а в другом случае вместе с эсерами участвовал в ограблении банка, которое принесло анархистам чистые 25 000 рублей. (Деньги они потратили на приобретение дополнительной партии оружия и установку печатного пресса, на котором были напечатаны написанная Новомирским программа анархо-синдикалистов и один номер их журнала «Вольный рабочий».) Группа Новомирского имела лабораторию по изготовлению бомб. Руководил ею польский мятежник, псевдоним Кэк, потому что он любил танцевать с женой в лаборатории кэк-уок, держа бомбы в руках. Вторым лидером анархистов Одессы, Лазарь Гершкович, хотя и считал себя учеником Кропоткина, лелеял такую же смесь анархизма и терроризма. Как инженер-механик, Гершкович создал свою лабораторию для производства бомб и в одесском движении был известен под именем Кибальчич – в честь молодого инженера из «Народной воли», который изготовил бомбы, убившие Александра II.

Новомирский попытался оправдать лицемерные уловки своих коллег по террору, утверждавших, что они действуют ради всего движения «в целом» – а это совсем другое дело по сравнению с пустым бомбометанием или «чисто уголовной концепцией экспроприаций». Аргументы Новомирского против «безмотивного террора» эхом откликнулись в Запад-

ной Европе стараниями другого известного русского синдикалиста Максима Раевского (Л. Фишелев), который осудил «нечаевскую тактику» таких обществ заговорщиков, как «Черное знамя» и «Безначалие», и осмеял их веру в революционность воров, бродяг, люмпен-пролетариев и других представителей низов российского общества. Было самое время, как считал Раевский, признать, что успешную социальную революцию может совершить организованная армия бойцов, которую способно создать только рабочее движение⁷.

В «максималистской» атмосфере 1905 года, наверное, было неизбежно, что главную роль стало играть террористическое крыло анархистского движения. Терпеливые усилия анархо-синдикалистов и хлебовольцев по распространению пропаганды на заводах и в деревнях были перекрыты лихими подвигами их экстремистских соратников. Не проходило и дня без газетного сообщения о сенсационных грабежах, убийствах и диверсиях, которые были делом рук отчаянных налетчиков. Они грабили банки и магазины, захватывали печатные прессы, чтобы издавать свою литературу, убивали сторожей, офицеров полиции и правительственных чиновников. Отчаянная и раздраженная молодежь удовлетворяла свою тягу к острым чувствам и самоутверждению, бросая бомбы в общественные помещения, заводские конторы, в театры и рестораны.

Беззаконие достигло предела ближе к концу 1905 года, когда «безмотивники» взорвали свои бомбы в варшавском отеле «Бристоль» и в кафе Либмана в Одессе, а отряды «лесных братьев» превратили лесистые пространства от Вятки до балтийских губерний в некое подобие Шервудского леса. После подавления Московского восстания тут сразу же наступило успокоение, в ходе которого многие революционеры нашли себе убежища.

Но терроризм возобновился довольно быстро. В 1906 – 1907 годах анархисты записали на свой счет более 4000 жизней, хотя и они потеряли почти такое же количество своих членов (большой частью эсеров). Тем не менее начался отлив, обращенный против них. П.А. Столыпин, новый царский премьер-министр, предпринял строгие меры для «умиротворения» нации. В августе 1906 года летний дом Столыпина был взорван эсерами-максималистами (ультрарадикальное отделение партии социалистов-революционеров, которое требовало немедленной социализации сельского хозяйства и промышленности). Были ранены его сын и дочь и погибли 32 человека. К концу года премьер-министр ввел почти по всей империи чрезвычайное положение. Жандармы выслеживали членов «Черного знамени» и «Безначалия» в их убежищах, захватывали тайники с оружием и боеприпасами, находили украденные типографские прессы и уничтожали лаборатории со взрывчаткой. Наказания были быстрыми и безжалостными. Были учреждены военно-полевые суды, которые не утруждались предварительным следствием, вердикт выносился в течение двух дней, приговор приводился в исполнение немедленно.

⁷ Такая же критика бандитизма анархистов доносилась и из лагеря социалистов. По рассказу одного социал-демократа, боевым кличем анархистов был примитивный возглас: «Кошелек или жизнь!» В то же самое время анархисты старались завоевать авторитет среди рабочих, «навевая им золотые мечты о будущем рае анархистской системы». Тридцать лет спустя большевистский историк Емельян Ярославский осудил террористические акты анархистов, как «чистый бандитизм», но предпочел полностью игнорировать «экссы», которые проводили члены партии большевиков до и после 1905 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.